

ЭРНЛ БРЭДФОРД

БОРЬБА

ВЕЛИКИХ ГОСУДАРСТВ
СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ
ЗА МИРОВОЕ
ГОСПОДСТВО

ИСТОРИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РИМА И КАРФАГЕНА,
ВИЗАНТИИ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ,
ЭКСПАНСИИ ФРАНЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Эрнл Брэдфорд

**Борьба великих государств
Средиземноморья за
мировое господство**

«Центрполиграф»

2023

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

Брэдфорд Э.

Борьба великих государств Средиземноморья за мировое господство / Э. Брэдфорд — «Центрполиграф», 2023

ISBN 978-5-9524-6036-2

Книга видного британского историка — яркий и невероятно увлекательный рассказ обо всех сторонах жизни Средиземноморья, включая климатические условия, географию, флору и фауну. Однако главное внимание Брэдфорд уделяет богатой и многогранной истории этого региона. Он пишет об этрусках, финикийцах, греках и персах; рассказывает о кораблях, на которых они плавали, о войнах, которые они вели. Он представляет Пелопонесскую войну, анализирует отношения греков с Востоком, борьбу между Римом и Карфагеном. Показывает, как Рим стал Вечным городом, затем маятник качнулся на восток, и произошло возвышение Константинополя. Автор уделяет большое внимание взаимоотношениям Западной и Восточной Римских империй, арабским завоеваниям, Крестовым походам, падению Византии, приходу турок, последствиям кампаний Наполеона и двух мировых войн. Он описывает великие морские сражения и людей, которые в них участвовали. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-9524-6036-2

© Брэдфорд Э., 2023

© Центрполиграф, 2023

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Эрнл Брэдфорд

Борьба великих государств Средиземноморья за мировое господство

**История противостояния Рима и Карфагена, Византии и
Османской империи, экспансии Франции и Великобритании**

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2023

* * *

*И окунулся я в поэму моря, в лоно,
Лазурь пожравшее, в медузно-звездный рой,
Куда задумчивый, бледнея восхищенно,
Пловец-утопленник спускается порой.*
Артур Рембо. Пьяный корабль (Перевод Л. Мартынова)

Предисловие

Идея создания этой книги появилась после моей беседы с несколькими студентами Мальтийского университета, в ходе которой один из них посетовал, что очень трудно найти общие труды по истории Средиземноморья. Известно, что существует много тысяч книг о разных аспектах наций, искусств и культур, возникших вокруг этого морского бассейна. Также есть подробнейшие трактаты обо всем, начиная от парусного вооружения римских судов до техники гранулирования, в которой весьма преуспели этруски, однако общей картины действительно нет. И я попытался восполнить этот пробел.

Ни один портрет, разумеется, не может полностью раскрыть модель, и зачастую показывает природу не только модели, но и самого художника. Если, к примеру, рассмотреть изображения некой исторической личности, которая позировала разным художникам, обязательно придешь к выводу, что, хотя все вместе они дают общее представление о внешности и даже характере натурщика, по отдельности они отражают пристрастия художника – его особые интересы или, скажем, личное отношение к модели. Ясно, что в первую очередь я писал о море и кораблях, бороздивших его просторы, о нациях, господствовавших на Средиземноморье в разные периоды его истории. Одновременно я хотел дать представление об исторических событиях в широком контексте, о том, как были взаимосвязаны и влияли друг на друга культуры, нации и религии. Едва ли стоит удивляться подробному изображению морского мира, поскольку я много лет провел на этом море, сначала на кораблях, на которые меня привела Вторая мировая война, а потом на яхтах и других мелких суденышках, куда меня привела любовь к морю. В любви к морю нет абсолютно ничего иррационального. Ведь никто не может отрицать, что любовь к своей стране и дому с незапамятных времен вдохновляла человечество.

Впервые я увидел море в возрасте девятнадцати лет с палубы корабля «Гленрой», когда мы вышли из устья Суэцкого канала и оказались во власти северной зыби, создаваемой (хотя я тогда этого не знал) ветрами, преобладающими в середине лета в этой части света. На море я провел следующие четыре года, сначала матросом, потом офицером. За это время я изучил побережье Северной Африки, Эгейского моря, Мальты, Сицилии, Италии, Корсики и Сардинии. В течение года я был штурманом на эсминце, что позволило мне изучить бесчисленные карты островов, береговых линий, портов и гаваней. Многие из них я исследовал много лет спустя при намного более благоприятных обстоятельствах. Но даже если бы война не забросила меня на Средиземное море, я все равно намеревался посетить его при первой же возможности. Классическое образование и детское желание стать художником или археологом заставили меня с ранних лет обратить внимание на эту часть света.

Годы, проведенные на кораблях, базировавшихся в Александрии, – в то время это был многонациональный город – дали мне знакомство с грубым лицом мира. То же самое сделала война, с той разницей, что военный мир был заключен в свой собственный особенный железный ящик, имевший лишь немногочисленные – если они вообще были – связи с реальной жизнью. Александрия, однако, была достаточно реальна, и жизнь в ней среди местной бедноты была настоящим откровением для молодого человека, выросшего в уютном доме безопасной Англии. Под ярким египетским небом, так не похожим на мягкие полутона моей далекой страны, контрасты местной жизни казались разительными. Я видел, к примеру, как человек упал замертво на улице, а безучастная толпа обходила его, не обращая на труп никакого внимания. В переулке, идущем в сторону от улицы Расэль-Тин, я видел, как одна женщина помогала другой, рожавшей у стены полуразвалившейся хибары. В другой раз в том же районе я увидел мертвого ослика, лежавшего посреди улицы. Мясник разделывал тушу прямо в толпе. Его руки были по локоть в крови, а двухфутовый нож, которым он орудовал, сверкал на солнце. И начало, и конец, да и вся жизнь здесь проходили на виду. Ничто не скрывалось под маской

скромности. Солнце высвечивало все. Мне показалось, что туманная дымка сродни той, что так часто покрывает английские поля, неожиданно исчезла из моих глаз. Мраморные скульптуры, которые я видел в Британском музее, с их медовой сдержанностью, были бесконечно далеко от этого мира. И я впервые понял, почему греки покрывали свои статуи и храмы яркими красками. Воздух, свет, небо и море – все это требовало яростной лучезарности, даже вульгарности, и это было бы совершенно неуместно на севере.

Для того чтобы немного компенсировать некоторый страх, который он невольно вселял, город имел определенное архитектурное изящество, так же как краски, свет и огромную бросающуюся в глаза живость, не похожую на другие города, где мне доводилось побывать. (Позже мне предстояло убедиться, что многие средиземноморские города, от Барселоны до Стамбула, в этом плане схожи.) Здесь были заросли бугенвиллей, покрывающие ослепительно-белые стены, а вечерами, когда дневная жара спадала и начинал дуть прохладный ветерок с озера Марьют, воздух наполнялся ароматом гардений. Летом прилетал ветер с севера, который делал жизнь в этом древнем городе приемлемой. Однажды утром, возвращаясь на корабль после проведенной на берегу ночи, когда небо окрасилось в абрикосовый оттенок, а городские запахи заглушила выпавшая роса, я услышал голос муэдзина, восхваляющего Всевышнего: «Единый, Вечный, Всемогуший». И на меня снизошло одно из тех откровений, которые иногда могут изменить жизнь. Я знал, что я дома, и не просто в этом городе и в этой стране, а у этого моря. С тех пор мне доводилось побывать во многих городах и на многих морях, но каждый мой отъезд со Средиземноморья был ссылкой. Говоря словами доктора Джонсона, «главная цель путешествия – увидеть берега Средиземного моря». Далее он утверждает, что «не стоит завидовать человеку, патриотизм которого не обрел силу на равнине Марафона, а благочестие не стало горячее среди развалин Ионии».

Нигде в мире больше нет такого места, где зародилось бы так много культур и цивилизаций, которые двигались по его изумрудным водам, обогащая друг друга. Богатство Средиземноморья обуславливается тем фактом, что море окружено тремя континентами, что привело к постоянному общению между расами, их населяющими. Были века, когда оно оставалось дремлющим, как поле под паром, но их всегда сменяли периоды большой активности. Когда я пишу эти строки, регион снова пришел в движение, поскольку на Ближнем Востоке разгорается насилие, и флоты двух крупнейших мировых держав, Америки и России, оспаривают влияние над этим конфликтным бассейном. Однако, несмотря на конфликты между народами, которые всегда характеризовали это море, жителей региона отмечает удивительное постоянство, преемственность, связь времен. Хотя средиземноморский рыбак теперь берет с собой в море радио, он так же сидит на корточках на полуразвалившемся, построенном еще в Средние века причале и сооружает ловушку для рыб из тростника, как это делали его предки, когда флоты Рима и Карфагена боролись за мировое господство.

Мне остается только поблагодарить многочисленных друзей и знакомых, долгие годы помогавших мне в работе своими знаниями и энтузиазмом. Я в неоплатном долгу перед сотрудниками Лондонской библиотеки, национальной и университетской библиотек Мальты, а также перед Стюартом Перроуном и А. Р. Бамом, которые были настолько добры, что прочли книгу в рукописи. Изменения и улучшения в книге – их заслуга, а все оставшиеся ошибки – мои. И наконец, я посвящаю эту книгу памяти путешественницы миссис Фреды Маклевер-Рейтсма. Именно она много лет назад возбудила в сердце маленького мальчика желание плавать в этом море и узнать земли на его берегах.

Часть первая

Они занимались одним делом – бок о бок ловили рыбу и вот как-то разговорились, восхищаясь красотой моря и выгодами положения Сиракуз.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания: Тимолеонт

Глава 1 Остров

Он круто поднимается из моря. Он не важен для мира и неизвестен даже многим жителям Сицилии, от которой его отделяет только семь миль. Он называется Леванцо и является одним из маленькой группы Эгадских островов (три острова, несколько маленьких островков и необитаемых скал), которая расположена неподалеку от западного побережья Сицилии.

В Леванцо нет ничего, способного вызвать интерес или любопытство. Его голая поверхность, которая весной и осенью покрывается чахлой травой, мхом и лишайником, поднимается над уровнем моря на 900 футов. Окруженный со всех сторон отвесными скалами, остров имеет форму груши, при этом верхушка плода указывает на север. Остров по большей части бесплоден, но в некоторых защищенных местах выращивают виноград. На нем есть некоторое количество цитрусовых деревьев. За исключением этого встречаются лишь редкие особенно выносливые оливы, стоящие, словно мускулистые борцы, на голой земле, или тоже нечастые рожковые деревья, отбрасывающие густые тени. На склонах растут кактусы опунция. Эти колючие груши – их еще называют «индийским инжиром» – сравнительно новые растения на острове. Они попали в Средиземноморье после открытия Колумбом Америки, когда моряки, совершавшие первые географические открытия в этом направлении, привезли в Европу их, а также более полезные фрукты и овощи.

Леванцо имеет длину две мили и ширину – полторы мили в самой широкой части. Именно в основании груши располагается единственная деревня, укрывающаяся под защитой известнякового холма – вершины острова. В деревне около трех сотен жителей. Они живут за счет моря, но и земли тоже. Нередко зимой они оказываются отрезанными от портов Трапани и Марсала, расположенных на другой стороне пролива. Они говорят на одном из диалектов итальянского языка, и их образ жизни мало изменился с тех пор, как на остров впервые прибыли греческие и финикийские торговцы и стали использовать две небольшие якорные стоянки как порты захода.

Они называются Кала-Фредда и Кала-Догана (Холодная гавань и Таможенная гавань). Cala по-арабски – «бухта» или «гавань», а Fredda по-сицилийски «холодная». Холодная гавань – это место, где в зимние месяцы проходит сильное течение. Это старое название, данное рыбаками и выдержавшее все языковые перемены на протяжении двух тысячелетий. В Кала-Фредда отличные лобстеры, всегда много кефали и окуня. В Кала-Догана живут таможенные офицеры. Для них построен небольшой дом, расположенный неподалеку от единственной деревни. Название сравнительно новое. Оно возникло, вероятнее всего, в XIX веке, уже после Гарибальди, когда объединение Италии позволило бюрократии Северной Италии поместить своих агентов даже на этом удаленном островке. Вместе с тем в период устойчивой стабильности Римской империи один или несколько таможенных чиновников вполне могли поселиться в Кала-Догана. В любом случае в этих названиях мы видим свидетельство контакта двух миров, арабского и латинского, Запада и Востока. Средиземноморье – это место, где встречаются эти два мира.

В деревне в Кала-Догана есть три маленьких магазинчика. В одном из них – бар. Здесь есть также католическая церковь и небольшое кладбище. Почти все население острова живет в этой деревне. Для этих людей остров и деревня – мир в миниатюре.

Остров с серебристыми склонами, продуваемыми ветрами хребтами, виноградниками, оливами и кишущими рыбой прибрежными водами – также отражение Средиземноморья. В жилах его обитателей течет кровь финикийцев, греков, римлян, арабов, норманнов, а также всех возможных моряков и путешественников, оказавшихся в этих краях.

Остров не имеет собственной истории. Это можно утверждать, если, конечно, не вспоминать, что он входит в группу Эгадских островов. Слово «Эгадский» произошло от греческого Aegates – Козлиные острова.

«Путь указал благодетельный демон, был остров невидим. Влажный туман окружал корабли, не светила Селена. С неба высокого тучи его покрывали густые. Острова было нельзя различить нам глазами во мраке; видеть и длинных широко на берег бегущих волн не могли мы, пока корабли не коснулись берега»¹.

Остров, к которому подошли корабли Одиссея, – это почти наверняка Фавиньяна, что в трех милях к югу от Леванцо. Это единственный из трех Эгадских островов, где известняковые скалы и песчаные пляжи располагаются на южной стороне, а корабли Одиссея шли с юга. Мареттимо и Леванцо – крутые и обрывистые острова, крайне опасные для неосторожного мореплавателя.

Глядя прямо на восток с Леванцо, видишь массивную громаду горы Эриче, возвышающуюся над сицилийским побережьем, словно великан. Она кажется серой рано утром, когда из-за нее поднимается солнце, а вечером – золотистой и пурпурной. Земля циклопов. Гора Эриче, древний Эрикс, поднимающаяся на 2500 футов над плодородными равнинами Западной Сицилии, господствует над этим уголком мира. Жители Леванцо используют гору как барометр. По тому, как облака плывут над ней, или закрывают ее вершину, или окутывают подножие, они знают, какую погоду им принесет наступающий день. Для рыбаков, уходящих в море, она служит ориентиром. Несомненно, Одиссей, как и бесчисленное множество моряков в последующие века, плавая в этих водах, тоже считали Эриче своим маяком.

На Леванцо нет ни храмов, ни греческих и римских сооружений – никаких свидетельств существования античного мира. Иногда рыбаки находят в своих сетях амфоры, временами фермер, расчищающий очередной участок земли, выкапывает древние черепки. Но в целом эти редкие свидетельства Античности на Средиземноморье едва ли важны.

И только Эриче, гордо возвышающаяся на противоположной стороне пролива, является постоянным напоминанием существования других веков, людей и культур. Если смотреть с Леванцо сразу после восхода солнца, можно видеть темные клыки зубчатых стен, показывающие, что норманны когда-то сделали вершину этой горы частью своей системы сицилийских крепостей. Но задолго до норманнов гигантские стены на Эриче были построены ранними сицилийцами, которые обитали на этих высотах раньше, чем в этом море появился Одиссей. Здесь финикийцы построили храм богине любви Астарте, потом греки – Афродите, и, наконец, римляне – Венере. Сегодня на горе стоит норманнский собор, посвященной Богородице, выходящий на голубой пролив. Потомки священных голубей более чувственной богини, чем Святая Дева, взмывают над священными стенами и облетают башни собора всякий раз, когда звонит колокол, призывающий к молитве Богородице.

В мерцающем и переливающимся проливе, отделяющем Леванцо от горы Эриче, располагаются скалы Формика (Formica), Порчелли (Porcelli) и Асинелли (Asinelli). Местные люди рассказывают, что эти скалы – все, что осталось от гигантских булыжников, которые ослепленный циклоп Полифем отрывал от горы и швырял в Одиссея. Впрочем, как можно винить

¹ Отрывки из «Одиссеи» в переводе В. А. Жуковского. (Здесь и далее примеч. пер.)

Полифема? Заносчивость Одиссея была одной из его самых непривлекательных черт. «Циклоп, если кто-нибудь спросит тебя, кто лишил тебя глаза, пусть будет твоим ответом: «Одиссей, сын Лаэрта, сокрушитель городов, знаменитый властитель Итаки».

Третий из Эгадских островов, Мареттимо, больше, чем Леванцо, но еще более отдаленный и недоступный. Здесь нет гаваней, пещер и заливов. Только небольшая пристань в северной части острова позволяет гостю в хорошую погоду высадиться на берег. Греки называли Мареттимо Святым островом, возможно, потому, что в долгом путешествии на запад к Гибралтару здесь они делали последнюю остановку после ухода с Сицилии. Кроме того, греки интуитивно чувствовали место, а этот самый западный из Эгадских островов отличался прохладой и чистотой – качествами, которые с древности ассоциировались со святостью. Финикийцы пришли сюда раньше греков, и вырубленные в камнях гробницы горы Фальконе тому свидетельства. Как и аналогичные гробницы на Мальте и других средиземноморских островах, эти прибежища тишины и мрака являются мемориалами тем ранним мореплавателям, которые не смогли закончить свое путешествие. В Тире, Сидоне и Карфагене жены и дети ждали купцов и моряков, которые так никогда и не вернулись.

На носовых частях маленьких рыбацких лодок на Леванцо до сих пор можно видеть Oculus – Глаз Гора. Это тоже финикийское наследие, поскольку именно финикийцы первыми привезли с Востока этот знак, который сами позаимствовали у египтян. Задолго до того, как финикийцы осмелились выйти в море, крупные нильские баржи Верхнего и Нижнего царств Египта плыли, увлекаемые неторопливым течением реки, неся на бортах соколиный глаз своего божества, который должен был охранять и направлять их. На Мальте, некогда бывшей финикийской колонией, и поныне рисуют глаз на небольших рыбацких лодках, хотя ни один рыбак не скажет вам, с какой целью.

Даже маленький, незначительный и удаленный островок Леванцо имеет свои тайны. В западной части острова, где волны бьются об отвесные скалы, есть несколько пещер. Одна из них, достаточно большая для Полифема, считается домом великана – по крайней мере, так утверждают местные жители, с презрением отвергающие аналогичные утверждения обитателей горы Эриче. Эту обширную пещеру, где водятся летучие мыши, иногда местные фермеры используют в качестве склада. Больше она ничем не примечательна. И лишь намного дальше, на берегу, доступном только с моря на лодке, находится настоящий источник славы Леванцо.

В 1949 году итальянка, отдохавшая на острове, услышала путаную историю о населенной духами пещере – «настоящей пещере призраков». Слухи о ней ходили давно, но лишь в недавнем прошлом ее обнаружил некий человек, собака которого погналась за кроликом и забежала в совершенно незаметный вход. (Кролики – самые крупные из диких животных на Леванцо, голые склоны которого не в силах прокормить даже привыкших ко всему средиземноморских коз.) Заинтригованная историей, итальянка отыскала этого человека и договорилась с ним, чтобы он проводил ее к таинственной пещере.

Ее открытия там вернули миру утраченное сокровище. Вход в пещеру располагается под низким уступом, так что заползти в нее можно только на четвереньках. Необходимо пробраться под низко свисающими клыками таинственно мерцающих сталактитов, после чего тебя окутывает тишина и темнота. Зажженный факел высвечивает многочисленных летучих мышей, свисающих с потолка пещеры. Когда на них падает свет, они начинают шуршать, словно сухие листья. Пройдя немного дальше, можно наконец увидеть «призраков». На потемневших известняковых стенах видны фигуры людей и животных. Бегут стада оленей. Быки выгибают свои мускулистые шеи. Люди преследуют животных с копьями или притаились в засаде.

Наскальная живопись Леванцо аналогична рисункам Ласко и Альтамиры. Все охотники, как можно заметить, мужчины. Большинство из них изображено так, словно у них по три ноги. На рисунках присутствуют фигуры, которые, скорее всего, являются идолами (хотя не исклю-

чено, что это жрецы). Изображения итифаллические, как и в случае любого божества классического мира, связанного с садом или огородом. Одна таинственная женская фигура в глубинах пещеры, изображенная с использованием белой глины, является предшественницей Белой богини или, возможно, могущественной матери-земли, которой поклонялись впоследствии в бассейне Средиземного моря. Она отличает пещеру Леванцо от других, поскольку женские фигуры редко встречаются в доисторическом искусстве. Одни изображения мужчин и животных нанесены краской, другие вырезаны на известняковой поверхности. А с какой великолепной уверенностью древние художники передают движения величаво ступающего быка или бегущего оленя!

Рано или поздно гость пещеры задается вопросом: если сегодня Леванцо так мал, что может прокормить только кроликов, откуда взялись эти быки и олени?

Вход в пещеру когда-то находился на вершине высокой горы, поднимавшейся над богатыми равнинами. Предок жителя Средиземноморья, который использовал эту пещеру-святилище для магических ритуалов, связанных с охотой и плодородием, взирал оттуда вниз не на море, а на бескрайние просторы плодородной земли, тянувшиеся до самой Африки. Леванцо тогда был соединен с Сицилией, а Сицилия – с Италией. У подножия горы на огромной равнине паслись стада диких животных, об удаче в охоте на которых просил своих богов человек.

Самая высокая часть Леванцо, под которой и расположена пещера, имеет высоту 912 футов над уровнем моря. Пролив между островом и Сицилией имеет среднюю глубину 20 сажень, или 120 футов. На этой стороне гора, как и два других острова Эгад, образует часть предгорий горы Эриче. Но на западной стороне и к югу от островов море быстро опускается на 600 футов и более. Доисторические художники, произведения которых мы видим на стенах пещеры, смотрели с высоты 1500 футов вниз на равнину, где, невидимые для людей, пожелавших запечатлеть в рисунках свои представления о смерти и плодородии, дикие звери странствовали между Африкой и Европой.

Весной остров являет собой волшебное зрелище. На один месяц изрезанные склоны и даже голая вершина древней горы покрываются цветами. Зеленая трава пестрит разноцветными маргаритками, везде растут дикие орхидеи и ноготки, белый, пурпурный и голубой чертополох, синяя румянка и дикие ирисы. Средиземноморская весна прекрасна, но коротка. Быстро наступает жара – очень теплые ясные дни, иногда сопровождаемые легким бризом. На инжирных деревьях, корни которых, расщепляя камень, уходят все дальше в глубину в поисках влаги, созревают плоды. По всему острову в кронах деревьев появляется красный, оранжевый и желтый инжир.

Предвестником осени являются низкие темные кучевые облака, плывущие над вершиной горы Эриче. Первый за много месяцев дождь выпадает обычно в период сбора винограда. Даже на Леванцо делают свое вино. На крошечной ферме, лежащей над миниатюрной равниной, собирают виноград. Женщины складывали сочные ягоды в плетеные корзины, которые носят на головах. Сбор винограда – дело женщин, но ритуал Диониса – мужское таинство. Молодой мужчина забирается в большой чан и начинает топтать виноград. К нему присоединяются еще двое. На них надеты только панталоны, которые очень скоро, так же как и тела мужчин, покрываются виноградным сушлом. В другом углу амбара стоит устройство, такое же древнее, как сам Архимед: большой пресс, приводимый в действие вручную, сменил человеческие ноги. Периодически один из мужчин, топчущих виноград, вылезает из чана, и его поливают из шланга водой. Вода не только смывает виноградный сок и пот, но также очищает голову от поднимающихся паров винограда. Чистый виноградный сок сливается из крана в основании чана и перетекает по каменному каналу в емкость под полом. Он имеет восхитительный слегка вяжущий вкус солнца, земли и морского ветра. Но даже один-единственный стакан этого сока является сильным слабительным. На следующий день в емкость добавляют чистый тростниковый сахар, и начинается процесс ферментации. И сегодня люди молятся, прежде чем приступить к выдав-

ливанию сока. Они обращаются к Святой Деве, как раньше – к Дионису. Он тоже выходец с Востока.

За пределами амбара, где происходит это действие, несколько бездельников отдыхают в тени рожкового дерева. Это одно из немногих деревьев в этой части света, которое дает тень все лето. Его темные блестящие вечнозеленые листья – сущее спасение для путешественников, а кожистые стручки дают пищу скоту и бедноте. Это «рожки, которые ели свиньи» – ими был бы рад наполнить свое чрево блудный сын, и акриды, поддерживавшие жизнь Иоанна Крестителя². От плода рожкового дерева произошла мера веса ювелиров – «карат»³. Keration – так называли его древние греки – это вес одной трети оболы, маленькой монетки, которой закрывали глаза мертвым. Монеты являлись платой перевозчику Харону. Рожковое дерево – одно из самых древних в мире. Только оно пережило ледниковый период. Это уникальная разновидность вида Caratonia.

Осень на Леванцо – напряженная пора для рыбаков, которые должны поймать как можно больше рыбы, прежде чем зимняя непогода заставит их вытащить свои маленькие лодочки на берег. Море вокруг острова и между ним и Сицилией истощалось веками, поэтому уловы редко бывают богатыми. Но никакое законодательство не может помешать человеку, которому нужно есть и кормить семью, использовать сети с мелкими отверстиями или динамитные пашки. Вода содрогается, когда в нее попадают эти примитивные глубинные бомбы, и оглушенная рыба всплывает кверху брюхом.

В целом карабинеры, конечно, стараются привить жителям уважение к правилам, да и рыбаки по большей части работают не за страх, а за совесть. Осенью в закрытых местах устанавливаются ловушки для лобстеров с пробковыми поплавками. Очень тонкие и хрупкие, средиземноморские ловушки, сделанные в форме улья, не выдерживают зимних штормов, поэтому ракообразных стараются собрать в конце года.

Unione, маленькая открытая моторная лодка с бортовым тралением, активно работает в районе Леванцо. С других лодок – меньших размеров – занимаются крючковым ловом. В некоторых укромных бухтах расставляют неводы – на поверхности остаются только поплавки, а сети висят в воде. Люди тянут снасть, двигаясь полукругом, чтобы захватить всю рыбу в бухте. Молодые люди ныряют за осьминогами, предлагая свои руки и ноги в качестве приманки для плавно раскачивающихся щупалец, высывающихся из подводных щелей в скалах. Ничуть не обеспокоенные щупальцами, скользящими, словно змеи, по их телам, они вытаскивают осьминога на поверхность. Там они быстро выворачивают «капюшон» осьминога наизнанку, обнажая его похожий на морковку клюв, кладут его в корзину с морскими водорослями и ныряют за новой добычей. Вечерами можно видеть, как они стучат осьминогом по скале или отбивают его камнем, чтобы сделать мясо более мягким.

Зимой море в проливе неспокойно. Мягкий и насыщенный влагой сирокко, преобладающий осенними месяцами и приносящий влагу перегретого моря из африканского пекла, сменяется западными и северными ветрами. Пока рыбаки отдыхают дома или сидят за стаканчиком вина (или кофе с двумя-тремя каплями аниса), фермеры очень заняты. Вскоре после первых осенних дождей земля снова оживает, и на немногочисленных обрабатываемых полях сеют ячмень и пшеницу. В отличие от зимы на севере зима в Средиземноморье – страда для земледельца. Летом, когда печет солнце, земля отдыхает, и фермеры тоже могут отдохнуть. Августовское пекло для средиземноморского фермера так же бесполезно, как февральские снега и морозы для северянина.

² В Евангелии от Матфея сказано, что Иоанн Креститель ел «акриды и дикий мед». А. П. Лопухин в «Толковой Библии» пишет, что акриды – это род саранчи. Кроме того, согласно некоторым авторам, акриды – это также плоды рожкового дерева, с древности заменявшие беднякам хлеб.

³ Рожковое дерево также называют цератония.

Даже зимой рыбаки иногда спускают на воду свои лодки. Бывает, что на десять дней или чуть больше в период между январем и мартом море становится спокойным – а рыба всегда в нем, в любое время года. Трижды в неделю приходит паром с Сицилии. На небольшой пристани выгружают самые разные товары – одежду, сладости, мясо, овощи и даже незамысловатые деликатесы вроде каштанов. Но когда море в проливе беспокойно, островитяне отрезаны от внешнего мира. Для передачи срочных сообщений есть полицейская рация, но тяжелобольных и рожениц отправляют в Трапани заранее. Баллонный газ помог заменить старые печи, работавшие на угле или дровах, которые до недавнего времени служили островитянам для выпечки хлеба, приготовления мяса и рыбы. Консервы помогают им несколько скрасить суровые условия короткой зимы. А благодаря транзисторным радиоприемникам островитяне могут слушать музыку.

Глава 2

Море и земля

Средиземное море, которое омывает на севере берега Европы, на юге – Африки, а на востоке – Азии, занимает глубокую впадину между континентами. Его максимальная протяженность от Гибралтара до Сирии составляет около 2200 миль. Максимальная ширина – между Францией и Алжиром – 488 миль. К Средиземному морю, по форме напоминающему лежащего на горизонтальной поверхности морского конька, с северо-востока примыкает Черное море, имеющее форму устрицы. Их суммарная площадь 1 158 300 квадратных миль. Это немного в сравнении с великими океанами мира, однако на его берегах сосредоточено больше народов и культур, чем на любой другой сравнимой территории. То же самое можно сказать о географических и метеорологических особенностях.

Это крупнейший существующий фрагмент древнейшего океана, который геологи называют Тетис. В греческой мифологии Тетис (Тетиды) – дочь моря и земли, супруга Океана, могущественного морского бога, который окружал весь мир. В геологических терминах Тетис – океан, который покрывал всю поверхность Древнего мира, или почти половину земного шара, от позднего каменноугольного периода (карбона) до начала третичного периода. На потемневших от лавы склонах горы Этна – в 2000 футах над уровнем современного Средиземного моря – можно найти окаменелые ракушки. Это доказывает, что Этна, которая теперь считается самым высоким действующим вулканом Европы, когда-то находилась на самом дне Тетис. Дно Средиземного моря поднималось вверх, сминая земную кору, и во многих его местах сохранилась вулканическая активность.

Море имеет много лиц. В пределах сравнительно небольшой территории оно разное, как различны народы и культуры, возникшие на его берегах. В каком-то смысле оно как Янус, двуликий бог, поскольку в географическом отношении четко подразделяется на западное и восточное. Западное Средиземноморье, регион от Гибралтара до Мальты и Сицилии, отделено от своей восточной части подводным хребтом, на который опираются мальтийские острова. Эта земля, теперь ушедшая под воду, некогда соединяла Европу с Северной Африкой, и по обе стороны от нее – еще долго после отступления океана Тетис – вероятно, располагались два больших озера. Скелеты миниатюрных слонов, найденные в Ар-Даламе, Пещере Тьмы, на Мальте, определенно предполагают, что два континента были когда-то объединены. Джон Дэвид Эванс в труде «Мальта» – исследовании доисторических времен острова – писал: «По размеру различают три вида слонов, самый маленький из них имеет рост всего три фута. ... Скелеты подобных, хотя и не идентичных карликовых слонов были обнаружены в отложениях на других островах Средиземноморья, таких как Сицилия, Сардиния, Крит и Кипр. В некоторых стратифицированных отложениях ясно видно, что меньшие особи жили позже, чем более крупные, потому что их кости располагаются в более высоких слоях. Представляется вероятным следующее объяснение: какое-то количество животных, имевших нормальные размеры, оказались в ловушке на только что образовавшихся островах, а их потомки уменьшились в размерах из-за недостатка корма и ухудшения условий обитания. Эта гипотеза также объясняет, почему виды карликовых животных на разных островах не идентичны – ведь они развивались изолированно друг от друга, хотя и в примерно одинаковых направлениях».

В некий точно не известный период времени перешеек, соединявший Африку с Испанией в Гибралтарском проливе, был разрушен, и в Средиземноморье ворвался океан, затопив сначала западное озеро. Потом океан распространился через сушу, связывавшую Сицилию с Северной Африкой (окружив острова Леванцо, Мальта, Гоцо (Гозо) и другие), объединил западное озеро с восточным, образовав Средиземное море. Это событие, важнейшее в чело-

веческой истории, отражено в греческой легенде о Девкалионе и, вероятно, в библейском рассказе о Ное: «...разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились».

Гибралтарский пролив был известен римлянам как Геркулесовы столбы, поскольку, согласно легенде, именно Геркулес, он же Геракл, раздвинул два континента. После этого он поставил два столба – Гибралтарскую скалу на севере и скалу, расположенную рядом с Сеутой (Джебель-Муса), на юге.

Этот некогда существовавший перешеек между Европой и Африкой образует основную разграничительную линию Средиземного моря. Восточный бассейн, или, что правильнее, юго-восточный, – это регион от Сирии до Сицилии и Мальты. Биограф святого Павла, потерпевший кораблекрушение у острова Мальта, был вполне точен, когда писал в Деяниях апостолов: «...пошли по морю... и держали к берегу. Попали на косу, и корабль сел на мель. ... Сотник, желая спасти Павла, велел всем, умеющим плавать, броситься первым и выйти на землю. ... все спаслись на землю». Корабль апостола потерпел крушение у северо-восточной оконечности острова Мальта, возле канала, отделявшего Мальту от Гоцо. Здесь встречаются два моря, Восточное и Западное Средиземное море.

Знаменитый австрийский геолог Эдуард Зюсс в фундаментальном труде «Лик земли», давая определение Средиземному морю, разделил его на четыре разных физических региона. Помимо западного бассейна, это Адриатика, район, протянувшийся от Крита и Кипра на север через Эгейское море и включающий Черное море, и прибрежные воды Северной Африки к западу от Сирии, включающие залив Большой Сирт (Сидра).

Для мореплавателя Средиземное море подразделяется на несколько «младших» морей. Это Балеарское – между Балеарскими островами и побережьем Испании, Лигурийское – между Балеарскими островами и Корсикой, с севера омывающее берега Франции и Италии. Еще есть треугольное Тирренское море, омывающее северный берег Сицилии, восточные берега Сардинии и Корсики и западный берег Италии. Между Италией и Югославией⁴ располагается Адриатика. Между Сицилией, Южной Италией и Западной Грецией находится Ионическое море, а между Грецией и Турцией – наполненное островами Эгейское море.

Географы могут давать точные и научные определения, но моряки руководствуются ощущениями и чувствуют отдельные особенности разных морей. Каждая часть Средиземного моря действительно имеет разный характер. Одна склонна к насилию, другая более спокойная, третья надежна, но подвержена периодическим вспышкам страсти, четвертая опасна и шизофренически непредсказуема. Лионский залив и Адриатика, к примеру, опасны и беспокойны, в особенности когда дуют северные ветры. В Лионском заливе это ревущий мистраль, северо-западный ветер штормовой силы. Он пронесется по долине Роны и является причиной штормов на огромном пространстве – вплоть до Балеарских островов. Сильный мистраль может быть опасным даже для современных судов. Бичом Адриатики является бора, сухой холодный ветер с северо-востока, который может достигать ураганной силы. Когда бора дует во всю мощь, власти вынуждены протягивать штормовые тросы в городе Триесте, чтобы жители могли передвигаться по улицам, не рискуя быть унесенными ветром.

Более спокойное море – Ионическое. По крайней мере, летом там много недель царит мертвый штиль. Именно этот факт позволил грекам с такой легкостью распространить свою цивилизацию с материка на Сицилию и Magna Grecia – Великую Грецию – историческую область, включавшую в себя, помимо прочего, юг Италии. Только зимой Ионическое море становится бурным. Тогда дует грегаль – сильный северо-восточный ветер. Он зарождается в горах Греции и Югославии и вспенивает море на своем пути до острова Джерба и побережья Северной Африки.

⁴ Государство в Европе, существовавшее с 1918 по 2003 г.

«Надежное, но подверженное вспышкам страсти» – это описание вполне подходит Эгейскому морю. Это единственный регион Средиземного моря, где моряк может быть уверен в постоянстве ветра на протяжении всех летних месяцев. Они всегда дуют с севера и известны под названием этезиан – годовичные ветра (по-гречески *etas* – год, то есть они постоянны каждый год). В обиходе их называют мельтеми (возможно, это искажение венецианского *bel tempo* – время хорошей погоды).

Генри Денхам, опытный мореплаватель, в своей книге «Эгейское море» пишет: «Этот ветер обычно начинается каждый день около полудня, постепенно достигая силы 5–6, иногда 7 баллов, к вечеру он стихает. Зачастую без предупреждения он дует всю ночь, и его сила не уменьшается». Однако, как правило, моряки, выходящие в море на маленьких лодках, могут быть уверены, что он стихнет после захода солнца, хотя волны все еще будут накатывать с севера.

Мельтеми дует по всему Эгейскому морю и к югу от Крита до самой Александрии. Он способствовал развитию греческого мореплавания, давая торговцам благоприятный боковой ветер между Грецией и Азией и попутный ветер для плавания по Эгейскому морю. По мере расширения их торговли он также позволил им летом легко добираться до Египта. Там они ждали в Александрии или в устье Нила до весны, после чего, используя паруса и весла, возвращались в Грецию и на острова. Однако, хотя Эгейское море надежно в плане постоянных летних ветров, все же подвержено вспышкам страсти. С подветренной стороны островов, где моряк, не знающий местных условий, может искать убежище для своей лодки, ветер, вместо того чтобы пройти над головой, обрушивается вниз ужасными порывами. Черных шквалов довольно легко избежать, поскольку тяжелые темные тучи, появляющиеся над островами, хорошо видны. Также невозможно не заметить разряды молний и запах озона в воздухе. Намного опаснее белые шквалы, поскольку никаких признаков их приближения нет. Они приходят из безоблачного ясного неба. Это мельтеми, пронесшийся над островами, внезапно и без объяснения причин обрушивается на ничего не подозревающего моряка.

В отличие от относительно стабильного Эгейского моря прибрежные воды вдоль Алжира и Туниса «шизофренически непредсказуемы». От Гибралтара до мыса Бон, до самого конца Западного Средиземноморья, воды вдоль североафриканского побережья стали могилой множества судов, иногда даже целых флотилий. Когда зона низкого атмосферного давления движется на восток через Гибралтарский пролив или юг Испании, это вызывает сильные порывистые ветра с запада или северо-запада вдоль всей этой части африканского побережья. Моряк, застигнутый в море, оказывается у беспощадно враждебного подветренного берега. Когда холодный фронт зоны низкого давления проходит над алжирским побережьем, западный ветер усиливается до штормового и затем, когда фронт проходит, меняется на северо-западный. Часто с приближением второстепенного холодного фронта процесс повторяется. Именно поэтому в этих водах так много погибших кораблей, затонувших и в древности, и в наше время. В XVI веке испанцы потеряли в таких условиях несколько флотов во время конфликта с мусульманским Алжиром. В 1541 году крупный испанский флот недалеко от Алжира был почти полностью уничтожен погодой – имела место самая масштабная морская катастрофа в истории. Много галер, 150 парусных галеонов, перевозивших 8000 солдат и цвет испанской знати, погибли во время шторма, который алжирцы впоследствии называли «штормом Карла».

Средиземное море многолико, и погодные условия в разных его частях существенно отличаются друг от друга. И в плане метеорологии его описать непросто. В некоторых районах мелководья, таких как, к примеру, канал между Сицилией и Мальтой, имеющий ширину только 45 миль и максимальную глубину 100 саженей, даже небольшой порыв ветра с севера может вызвать опасное волнение. После мая такие короткие шторма редки, но тем не менее случаются и летом. Один из таких штормов едва не погубил вторжение союзников на Сицилию в июне 1943 года.

На Средиземном море есть не только мелководье, но и места с воистину огромной глубиной. Одна из самых глубоких в мире морских впадин расположена к западу от Крита и имеет глубину 2400 саженей, или 14 400 футов, – почти на 4000 футов глубже, чем высота вулкана Этна над уровнем моря. В западном бассейне самая большая из известных глубин – 10 200 футов – к западу от Капо-Сандало на юге Сардинии. В южной части Тирренского моря, между Сицилией и Неаполем, есть аналогичные впадины, а небольшой островок Устика, являющийся вершиной потухшего вулкана, поднимает свою скалистую голову из глубины более 1000 саженей.

Два фактора особенно отличают Средиземное море от океанов мира. Первый и самый важный из них – почти полное отсутствие приливных явлений. Даже в тех немногочисленных местах, где бывают приливы и отливы, они настолько малы, что не могут тревожить мореплавателя. К примеру, в Гибралтарском проливе максимальная амплитуда прилива практически никогда не превышает два фута. Чуть дальше вдоль североафриканского побережья – в Джиджели – она может иногда достигать пяти футов. Но во всей центральной и восточной части моря амплитуда настолько мала, что практически незаметна. Отсутствие приливов и отливов вкупе с долгими спокойными летними месяцами, безусловно, помогло доисторическому человеку выйти в море. Позже это оказалось полезным для первых появившихся цивилизаций – они могла связываться друг с другом. Постоянный обмен людьми и культурами между разными регионами Средиземноморья, не прекращавшийся с тех пор, как человек впервые вышел в то, что Гомер назвал «обильное рыбою море», во многом объясняется отсутствием приливно-отливных явлений.

Вторым фактором, менее важным для людей, отличающим Средиземное море от океанов, является его соленость. Если бы Средиземное море не подпитывалось из Атлантики через Гибралтарский пролив, оно бы сравнительно быстро превратилось в два соленых озера, разделенные перешейком между Сицилией и Южной Африкой. В самой узкой части Гибралтарский пролив имеет ширину всего 9 миль, иными словами, он позволяет Атлантике вторгаться в Средиземное море на очень небольшом промежутке. Повсеместно царящее жаркое лето приводит к существенному испарению с поверхности. Поскольку воды испаряется больше, чем возмещается дождями или впадающими в море реками, неудивительно, что плотность морской воды в Средиземном море (1,028 на западе, 1,03 в Леванте) выше, чем в Атлантике на западе (1,026) и в Черном море на востоке (1,012).

Черное море, с его обильным речным водоснабжением, вливает в Средиземное море через Дарданеллы относительно пресную воду. С другого конца, через Гибралтарский пролив, в него поступает более холодная и менее соленая вода Атлантики, которая оказывается на поверхности. Внизу – под ней – более плотная и соленая средиземноморская вода вытекает в Атлантику. Таким образом, существует постоянный обмен водой между внутренним морем и океаном. В некоторых частях Леванта соленость достигает 39 процентов, а в Гибралтарском проливе – только 37. Гость Средиземноморья немедленно обнаруживает свидетельства высокой солености воды, причем не прибегая ни к каким научным инструментам, в тот самый момент, когда входит в воду. В этой теплой плотной воде он может плавать почти без усилий. По греческой легенде, поэта Ариона отнес в его родной город Коринф дружелюбный дельфин. И все Средиземное море можно считать дельфином для любого пловца.

Температура поверхностных вод может иногда подниматься до 90 градусов по Фаренгейту, хотя обычно она ниже и зимой, как правило, составляет 53–57 градусов. В целом температура поверхностных вод выше, чем температура воздуха, особенно зимой, но летом бывает наоборот. Случается, что у берегов некоторых островов температура воздуха в июле и августе колеблется около 80 градусов, а моря – около 90 градусов. После того как начинают дуть первые зимние ветра, вызывающие волнение на море, температура резко падает. Хотя некоторые гости издалека продолжают купаться в море даже в ноябре, местные жители обычно не заходят

в воду с середины сентября до конца мая. «В море можно входить, – сказал один греческий островитянин, – если нет шока для тела». Это отнюдь не совпадает с мнением некоторых жителей Англии и других северных стран, где энтузиасты купаются всю зиму, даже если для этого им приходится разбивать лед на своих водоемах. Глядя на это, греческий островитянин мог бы лишь пожать плечами, дивясь людской глупости. Житель Средиземноморья, в какой бы стране он ни жил, к какой бы расе ни принадлежал и какую религию ни исповедовал, всегда сохраняет чувство, что истинное счастье лежит в умеренности. «Ничего лишнего». Эта древнегреческая максима до сих пор считается идеальной концепцией.

В любое время года самая высокая температура поверхностных вод в районе Леванта – в юго-восточной части моря, а самая низкая – в Лионском заливе, на севере Эгейского моря и на севере Адриатики. Во всем регионе на глубине чуть больше 100 саженей температура воды практически постоянна – от 54 до 56 градусов по Фаренгейту – небольшая разница отмечается между западным и восточным бассейном. Эта «слоистость» моря успешно использовалась подводными лодками во время Второй мировой войны. Оказалось, что случайные «карманы» слоя холодной воды помогают избегать ищущих лучей сонара эсминцев на поверхности.

Глубинные воды подвержены лишь небольшим годовым колебаниям в зависимости от температуры предыдущей зимы. В глубинах Средиземного моря на самом деле жизнь далеко не столь разнообразна, как в океанах. Глубже двух сотен саженей почти никто не живет, и представляется, что в самых глубоких впадинах царит только бесплодный мрак. Не являясь совсем закрытым морем, Средиземное море аналогично внутренним морям: высокое содержание соли (более плотная соленая вода неизбежно опускается глубже, чем более пресная) делает его неблагоприятным для жизни. Человек, как и другие млекопитающие, дитя мелководья. Как и у всех млекопитающих, в его пище должна быть соль, но даже глубоководная рыба или другие организмы не могут жить там, где соли слишком много.

Черное море – странный придаток Средиземного – не имеет никакой органической жизни за 500 футов до его максимальной глубины, составляющей около 7000 футов. Все дело в том, что в него впадает много рек – Дунай, Днепр, Дон через Азовское море. Иными словами, поверхностные воды содержат очень мало соли. Относительно несоленая поверхностная вода втекает через Дарданеллы в Средиземное море, а оттуда поступает обратно глубинная соленая вода. Таким образом, можно сказать, что море состоит из двух слоев. Поскольку нижний слой соленой воды не имеет контактов с атмосферой, она не получает кислорода и не может поддерживать жизнь.

Люди, знакомые с ленивым соленым Средиземным морем, могут легко указать на разницу между Черным морем и его более крупным собратом. Какой бы высокой ни была температура воздуха, как бы ни плавился от жары Стамбул, Босфор всегда холодный. Он не только холодный, но и менее соленый, чем Средиземное море. Местами вода на вкус кажется лишь слегка подсоленной; течение имеет скорость несколько узлов, и пловец очень скоро обнаруживает, что вода его не держит.

На другом конце Средиземного моря, где внутреннее море подпитывает Атлантика, объем поступающей воды контролируется не только узостью Гибралтарского пролива, но также подводным скалистым рифом, соединяющим два континента. Поскольку его максимальная глубина лишь немногим больше 1000 футов, а местами он значительно мельче, пролив может пропустить относительно небольшой объем воды. Если бы пролив был шире и если бы не было подводной «перемычки» между двумя континентами, характер Средиземного моря стал бы другим, поскольку холодные воды Атлантики свободно поступали бы в него и обратно. А так Атлантика обеспечивает соленое капельное вливание внутреннему морю, а Черное море уравновешивает его потоком сравнительно пресной воды.

Основная циркуляция в поверхностных водах идет против часовой стрелки. Поступив через Гибралтарский пролив, поток идет вдоль побережья Северной Африки, поворачивает

на север у побережья Сирии, обходит Кипр, следует вдоль турецкого побережья, обходит против часовой стрелки Черное море, следует вокруг побережья Греции, по Адриатике и обратно вокруг Италии и южных берегов Франции и Испании. Главное отклонение от этого простого маршрута имеет место в заливе Большой Сирт, где течение ударяется в лишнюю растительности выступающую в море Киренаику и отклоняется назад к заливу Габес и восточному побережью Туниса. Моряки не должны считать это описание средиземноморской системы течений чем-то большим, чем просто общее описание. Лоции предупреждают: «Общая циркуляция не является постоянным течением во всех частях моря одновременно; действительные течения подвержены изменениям. Течения в каждый момент времени испытывают воздействие ветра, и местные дрейфовые течения, имеющие временный характер, но достаточную силу, чтобы замаскировать общую циркуляцию, устанавливаются, когда сильный ветер долго дует с любого направления. Таким образом, возможно в любой части Средиземного моря обнаружить течение, следующее в любом направлении...» Море капризно, как женщина.

Сравнительное отсутствие приливов и отливов означает, что ветер влияет на это море больше, чем на океан. Конечно, от направления ветра зависят поверхностные течения. Но также отсутствие амплитуды приливов, которые могли бы свести на нет эффект ветра, означает, что буря на море может возникнуть в очень короткий период времени. Внезапная электрическая буря – гроза – продолжительностью не более получаса может неузнаваемо изменить морскую поверхность, оставив после себя волнение, которое будет продолжаться некоторое время.

В течение одного дневного плавания поверхность моря может меняться несколько раз. В середине лета в центральной части Средиземного моря, если преобладающий северо-западный ветер дул в течение нескольких дней, в начале дня моряк обнаружит весьма ощутимые ветровые волны с северо-запада. Возле острова он может встретить грозу, перемещающуюся в море, которая, в свою очередь, оставит после себя волны, бегущие в том направлении, в котором ушла гроза. Во второй половине дня в устье гавани он может встретить сильный морской бриз, имеющий чисто местный характер, который полностью «задавит» преобладающий северо-западный ветер, в очередной раз изменив характер морской поверхности. К ночи, вполне возможно, наступит мертвый штиль, а на поверхности воды останется зыбь с трех разных направлений.

Если море непредсказуемо, средиземноморский климат компенсирует этот факт. Он, в общем, стабилен и имеет относительно простой характер. Во всем регионе лето жаркое, а зима, хотя часто является довольно прохладной, короткая и солнечная. Можно представить эмпирическую формулу средиземноморского климата в форме M/R , где R – количество миллиметров осадков, выпавших в летние месяцы, а M – средний максимум температуры по Цельсию в самом жарком месяце. Тогда в регионах с чисто средиземноморским климатом получится коэффициент меньше семи.

Наличие оливковых деревьев – явный признак того, что ты находишься в Средиземноморье. Это правда, что олива, вероятнее всего, не является представительницей местной флоры и была привезена с Востока. Но здесь она распространилась настолько широко, что можно утверждать: в районе, где есть оливковые рощи, присутствует чисто средиземноморский климат. Дуб падуболистный и алеппская (иерусалимская) сосна – еще два надежных климатических показателя. Олива также является гарантией того, что заморозки на почве чрезвычайно редки, поскольку дерево не выживает при температуре ниже 38 градусов по Фаренгейту.

Годовое количество осадков является умеренным на всем Средиземноморье; среднее количество – 24 дюйма. Однако на Корфу может выпасть и 45 дюймов, а в Орানে – 15. На Мальтийском архипелаге, где точный учет велся с 1879 года, среднегодовое количество осадков составляет около 20 дюймов, но были года, когда оно достигало 39 дюймов и даже опускалось до 10 дюймов. Хотя средние цифры не слишком отличаются от данных для Юго-Восточ-

ной Англии, дожди в Средиземноморье, как правило, идут и осенью, и даже тогда большинство дней остаются безоблачными. Понятно, что интенсивность осадков велика. Судя по записям, за один октябрьский день на Мальте выпало 11 дюймов осадков, а в Гибралтаре 8 дюймов – отнюдь не редкость. В этом регионе нет одного – долгих серых дней с непрерывно морозящим дождем. Это «привилегия» севера. За сутки выпадает несколько дюймов осадков, потом небо очищается, облака рассеиваются, и на небе снова появляется солнце.

В большинстве районов сезон дождей начинается в сентябре. Его предвестниками являются сильные грозы. После первых осенних дождей часто устанавливается относительно сухой промежуток – в ноябре и декабре – до начала второго дождливого периода в феврале. В большинстве районов июль и август обходятся вовсе без дождей, а некоторых – июнь тоже. В это время, как пишут Олег Полунин и Энтони Хаксли в «Цветях Средиземноморья», «солнце светит в среднем десять часов в день... Этот жаркий сезон идеален для созревания фруктов всех видов, которыми Средиземноморский регион по праву славится.

Рост большинства растений приостанавливается в этот жаркий период и возобновляется, когда начинаются первые дожди. ...Некоторые виды цветут в конце осени и начале зимы, а некоторые не прекращают активного роста даже зимой. Начало весны – время, когда цветет большинство средиземноморских многолетников. Пик цветения – конец апреля, когда равнины и склоны холмов покрывает ковер ярких однолетников. К июню они увядают, и многие выбрасывают семена. В это время еще цветут только чертополохи и представители семейства губоцветных».

Средняя августовская температура – 21–27 градусов, но в течение дня она может достигать и 32 градусов. В портовом городе она может существенно отличаться, поскольку на нее влияет степень открытости того или иного места морскому бризу. В Тунисе, к примеру, который считается сравнительно защищенным, температура нередко значительно превышает 30 градусов. А в других местах североафриканского побережья, где ощущается влияние ветра с моря, она редко повышается до 30 градусов. В летние месяцы ночная температура в западной части обычно опускается до 15–20 градусов, но в центре и на востоке она обычно не ниже 24 градусов.

Туристы из других частей света массово стекаются на Средиземноморье в июле и августе, но местные жители не жалуют эти два самых жарких летних месяца. Их образ жизни меняется, аппетит падает, дети становятся вялыми и раздражительными, а мухи, комары и жара мешают спать по ночам. Те, кто могут себе это позволить, едут на север, который покидают местные жители в поисках тепла. Если современные здания не оборудованы кондиционерами, сиеста – жизненная необходимость, а вовсе не роскошь. Магазины, офисы и другие учреждения открываются рано утром, когда царит прохлада и солнце еще не палит во всю силу. В полдень они закрываются, снова открываются около четырех часов пополудни и работают до семи или восьми вечера. Таким образом, хотя день прерывается сиестой, рабочие часы не сокращаются. Правда, и работодатели, и работники отдают себе отчет в том, что и количество, и качество работы в середине лета ниже средних показателей. В Палермо и других городах социальная жизнь начинается около восьми часов вечера. За вечеринкой с коктейлями может следовать ужин в 10.30 и посещение кинотеатра в полночь. В разгар лета производительность труда выше всего между восходом солнца и десятью часами утра. Потом начинается сильная жара. В тихие прохладные часы, когда земля еще дышит ночной влагой, а краски на земле и в море яркие и четкие (после полудня солнце делает их пыльными и тусклыми), житель Средиземноморья активно работает. Турист, позже заметивший его спящим в тени рожкового дерева (а рядом с ним – бутылочку с вином и узелок с хлебом, оливками, чесноком и помидором или половинкой огурца), может позавидовать такой ленивой жизни. Он поневоле начнет сравнивать ее с его собственной постоянной суетой на севере. Этот турист, вероятнее всего, не знает, что спящий

рабочий встал в четыре часа утра, целый час добирался до своего поля и четыре часа трудился в поте лица, причем все это раньше, чем турист выпил свою первую чашку кофе.

Современный путешественник по Средиземному морю должен помнить, что он видит совсем не то, что представало перед глазами его далеких предков. Простой пример – агавы, кактусы, цитрусовые, эвкалипты, мушмула и пальмы. Все это, считающееся сегодня типичной средиземноморской растительностью, – ввезенные сюда «иностранцы», одни из Китая или с Востока, другие из Америки. Изменился и облик суши. Острова, которые еще в XVII веке были покрыты густым лесом, теперь стали голыми и безжизненными. Богатые земли, на которых некогда росла пшеница, превратились в пустыни. Целые регионы стали другими из-за сейсмической и вулканической активности. Именно перемены в облике суши существенно усложнили задачу ученых-историков, пытающихся воссоздать поля древних сражений или отыскать гавани, упомянутые классическими авторами. С одной стороны, землю во многих местах изменила деятельность человека. С другой стороны, нельзя отрицать тот факт, что Средиземноморье – сравнительно новая область земного шара, которая все еще находится в процессе формирования. Хотя жители Запада привыкли считать Средиземноморье «старым», в геологическом отношении оно сравнительно молодое.

Сам процесс развития земной поверхности и ее изменения с приходом человека подразделяется на несколько этапов. Прежде всего дикоросы начали «колонизировать» доселе голые участки земли. Семена были занесены туда птицами или ветром. Гумус, темно-коричневое вещество, обновитель жизни и продукт разложения органической материи, постепенно появляется из гниения растений. Он добавляется в почву, которая также обогащается птичьим пометом. Слой почвы углубляется, становится богатым и привлекает животных, которые, в свою очередь, удобряют его и оставляют после себя удобряющие тела и кости. Человек – один из этих животных. Достигается то, что геологи называют «климаксом», – относительно стабильное растительное сообщество. На Средиземноморье это произошло, когда начали распространяться леса. В этой части света деревья, весьма неплохо себя чувствующие, являются вечнозелеными. Их жесткие листья могут выдерживать летнюю жару, а глубокие, ищущие землю корни помогают дереву дожить до зимних дождей.

Первой важной стадией на Средиземноморье стало распространение вечнозеленых лесов по региону. Если бы на сцену не вышел человек, вечнозеленые леса сохранились бы. Но человек меняет все. Как только он появился, – в роли охотника, которой он овладел задолго до того, как стал земледельцем, – он стал уничтожать деревья, сжигая их, чтобы получить открытые поляны. Позже, когда стало развиваться земледелие, эта деятельность активизировалась. Деревья, укрывавшие животных, на которых человек охотился, являются препятствием для земледельства. Отметим, что до недавнего времени остатки первобытных лесов находили в районе горы Чирчео на юге Италии.

После уничтожения лесов ландшафт изменился. Человек со своими орудиями труда, животными (в первую очередь козами, которые питаются побегами) вскоре запустил процесс, который, если его не остановить, в конечном счете приводит к превращению земли в пустыню. После исчезновения вечнозеленых лесов осталась маккия. Так называют типичные средиземноморские вечнозеленые кустарники, знакомые всем, кто хоть раз побывал на Корсике. Маккия состоит из зарослей кустарников, иногда высотой 5–6 футов, в основном ракитника и ладанника. Мирт, эрика древовидная, дуб падуболистный и иерусалимская сосна также встречаются среди того, что именуют «высокой» маккией. В «низкой» маккии деревьев нет вообще – только заросли трав, таких как розмарин и шалфей, и низкорослые кустарники, высота которых не превышает трех футов.

Третья стадия в уничтожении лесов достигается, когда исчезает даже маккия, которой человек тоже нашел применение, и появляется другой характерный тип ландшафта – гарига. Это практически пустошь, но земля еще не превратилась в пустыню. На каменистых иссушен-

ных участках земли растут мелкие кустарники, которые тяготеют к склонам холмов и каменных плато. Как и маккия, гарига богата ароматными травами. Здесь растут почти все травы, используемые в кулинарии. На каменистых пустошах растет розмарин, лаванда, тимьян, шалфей, чеснок, рута. Аромат трав кажется особенно сильным на этих бесплодных землях. Весной гарига буйно цветет. Здесь есть и луковичные, и клубневые цветы.

Гарига дает европейцам не только пряные травы. Здесь растут дикие предки тюльпанов, ирисов, крокусов и гиацинтов. Весной расцветают звездочки гусяного лука, покачиваются на ветру миниатюрные ирисы и фритиллярии, раскрывает круглые белые цветки дикий чеснок. Но их цветение недолговечно, и уже через несколько недель земля снова выглядит голой и безжизненной. Ничто не напоминает о былом великолепии.

Гарига есть во всех регионах Средиземноморья. Она типична для многих островов, где невежество человека настолько истощило почву, что на ней могут выжить только эти закаленные многолетники. После гариги – в самом конце шкалы – идет степь, земля, где плодородный слой почти полностью уничтожен и могут произрастать только растения с очень глубокими корневыми системами. Обитателями степей являются некоторые виды чертополохов и трав, многолетники – анемоны и ирисы, отдельные луковичные растения. На истощившихся землях нагорий Сицилии, Мальты и Гоцо можно видеть один из самых характерных видов степей, где растет только асфodelь с большими раздутыми клубнями. Возможно, не только погребальная бледность асфodelи заставила древних греков связать это растение с царством мертвых. А «асфодилонский луг» Гомера, «где воздушными стаями души усопших летают», вполне может быть воспоминанием поэта о бесплодной степи, где нет ничего, кроме дрожащих головок асфodelи, цветки которых стоят, словно трупы в саванах.

Преобразование средиземноморского ландшафта из вечнозеленого леса в пустыню можно повернуть вспять, если бы человек правильно использовал почву или по какой-то причине покинул территорию. Поскольку процесс зашел уже слишком далеко, только самые интенсивные меры могут вернуть средиземноморский ландшафт к чему-то, хотя бы отдаленно напоминающему его первоначальное состояние, а во многих местах уже ничего нельзя сделать для возрождения силы земли. Голые бесплодные острова, ставшие современным обликом Греции, некогда были заросшими густыми лесами, и почва не вымывалась зимними дождями. Туристы тщетно ищут источники и водоемы, упомянутые классическими авторами. Да, они когда-то существовали, но из-за вырубki леса и исчезновения почвенного слоя источники высохли и водоемы исчезли. Дождевые облака, некогда плывшие над густыми лесами падуболистных и кermесоносных дубов, теперь проливаются дождем только на голые известняковые склоны.

Пусть облик суши стал другим, моряк, который смотрит вперед на рассвете, когда море меняет свой цвет от темного серого к оловянному и в конце концов становится серебристым, может думать, что видит перед собой тот же мир, что и миллионы моряков до него. Он использует те же звезды для навигации, дышит тем же соленым воздухом, что и древние финикийцы, и ощущает те же погодные условия. Тем не менее даже море изменилось. Оно больше не является «обильным рыбою», как во времена Гомера. Его, как и землю, слишком долго использовали чрезмерно.

Во всех уголках Средиземноморского бассейна траулеры выходят в море на лов. В каждой бухточке и заливе люди ловят рыбу тралами или на крючки дном, а по ночам острова бывают окружены гирляндами огней. Это карбидные или газовые факелы заманивают рыбу на свет – в сети. Растущее население Средиземноморского региона следует кормить, и, если это не способна сделать земля, нехватку продовольствия приходится восполнять морю. Тем не менее, несмотря на то что численность морских обитателей существенно уменьшилась как из-за человеческого невежества, так и для того, чтобы обеспечить потребности людей в пище, море все еще продолжает кормить население окружающих его стран.

Тунец – самая крупная рыба из семейства макрелевых. Она иногда бывает длиной 10 футов и весом 1000 фунтов. Это очень важный продукт средиземноморского рыбного промысла. Свежая или консервированная, она является существенной частью экономики Сицилии и других островов. Меч-рыба, встречающаяся к северу от Мессинского пролива, – ее ловят с помощью гарпуна со специально предназначенных для этой цели лодок – деликатес, который может себе позволить мало кто из рабочего люда.

Методы, используемые для лова тунца и меч-рыбы на Средиземноморье, настолько необычны, что заслуживают краткого описания. Сицилийцы, вероятно, научились особенной технике ловли тунца во время арабской оккупации острова в IX и X веках. Хотя не исключено, что это произошло даже раньше, поскольку, согласно документальным свидетельствам, финикийцы создали промысел тунца на побережье Испании. Тунец изображен на финикийских медалях Кадиса и Картеи. Впоследствии соленый тунец стал любимым блюдом римлян, которые называли его *saltamentum sardicum*.

Зная, что в некоторых местах на побережье тунец подходит близко к берегу для размножения, рыбаки растягивают с берега длинную сеть, которая достигает морского дна. Тунец, встретив препятствие, поворачивает в море, чтобы его обойти, и в процессе этого попадает в первую из ловушек. Ловушка представляет собой конструкцию в форме ящика из сети. Ее удерживают с четырех сторон на поверхности деревянные баржи. Войдя в первую ловушку и обнаружив, что она замкнута со всех сторон, тунец направляется к единственному оставленному для него проходу и попадает во вторую ловушку. В ней тоже есть только одно отверстие, через которое тунец попадает в третью ловушку – «камеру смерти». Она аналогична предыдущим сетевым конструкциям, но имеет укрепленное дно. Сбитый с толку тунец бесцельно плавает по кругу. Поскольку инстинкт велит ему всегда плыть от берега в сторону открытого моря, он не может вернуться назад и оказаться на свободе тем путем, которым он угодил в западню.

Каждый день во время сезона отлова тунца *gaïs* (арабское слово, означающее «бригадир, мастер») осматривает ловушку через ведро со стеклянным дном с одной из барж, поддерживающих «камеру смерти». Когда он считает, в сети достаточно рыбы, объявляется *mattanza* (убой). Это слово связано с другой частью сицилийской истории – долгими веками, когда на острове господствовало испанское влияние. Группы рыбаков переправляются на четыре баржи, поддерживающие третью камеру. Обычно рано утром (чтобы избежать душающей жары) они начинают вытаскивать четырехстороннюю сеть – с усиленным дном. Вскоре рыба обнаруживает, что ее водный мир сокращается, ее охватывает паника, и она все сильнее бьется о стенки ловушки. Туда, кстати, попадает не только тунец. Иногда там оказывается гигантский скат манта – черный кошмар моря – морской дьявол, акула и более мелкая рыба. Когда дно ловушки оказывается всего на несколько футов под водой, люди накручивают канаты, поддерживающие ловушку, на тумбы на баржах. По сигналу *gaïs* начинается *mattanza*. Ряд за рядом, черные на фоне залитой солнцем поверхности воды, люди изгибаются и наносят удар вниз. Они до сих пор стоят у меня перед глазами: яркое солнечное утро, остроги поднимаются и опускаются, огромная барахтающаяся в воде рыба истекает кровью, а люди вытаскивают ее и сбрасывают в трюмы. Когда громадный тунец показывается над бортом баржи, один из рыбаков закрывает ему рукой глаза. Рыба меньше сопротивляется, когда не видит. Иногда – в этом жесте так много жалости! – рыбак похлопывает рыбу по блестящему глянцевому боку, и только потом отправляет умирать в трюм.

Техника лова меч-рыбы тоже весьма своеобразна. Сицилийские лодки, предназначенные для этой цели, уникальны. В наши дни все они оборудованы дизелями, а лет двадцать пять назад большинство из них выходили в море под латинским парусным вооружением. От всех прочих рыбацких судов в мире их отличают колоссальные бушприты и высокие тонкие мачты, на верхушке которых оборудованы места для наблюдателей. Судно, длина корпуса которого составляет 40 футов, имеет бушприт длиной 60 футов и 80-футовую мачту. В старину мачты

и бушприты не были такими длинными, поскольку были сделаны из дерева, а сегодня их изготавливают из алюминиевых решеток, что позволило увеличить длину. Управление румпелем и двигателем выведено на верхушку мачты, где капитан и наблюдатель управляют судном и направляют его к меч-рыбе. Располагаясь на большой высоте (80 футов – 24 метра – приблизительно высота шестиэтажного дома), они хорошо видят, что находится в воде перед их судном. Когда замечают косяк, гарпунер спешит в конец бушприта, а капитан выводит судно на нужную позицию. Иногда гарпунер замечает цель всего лишь за несколько секунд до броска. Бывает, что он бросает гарпун вслепую, ориентируясь на указания капитана.

Наблюдать за рыболовными судами, работающими между Сицилией и Италией в Мессинском проливе, значит видеть процесс ловли рыбы, почти такой же древний, как само море. Не сохранилось никаких записей, которые могли бы прояснить, когда возник этот метод гарпунирования меч-рыбы, вполне возможно, еще в Древнем мире. Гомер определенно знал о рыболовстве в Мессинском проливе. Описывая опасности морского региона – Харибду, ужасающий водоворот, и Сциллу, страшное морское чудовище, он уточняет, как Сцилла охотится: «...всеми глядит головами из лога ужасная Сцилла, лапами шаря кругом по скале, обливаемой морем, ловит дельфинов она, тюленей и могучих подводных чуд, без числа населяющих хладную зыбь...»

Несмотря на то что Харибда (которая до сих пор существует) точно определяет место, описываемое в «Одиссее», ссылка на рыболовную деятельность Сциллы весьма важна. Мессинский пролив – одно из немногих мест на Средиземном море, где меч-рыба водится в достаточных количествах. Перемещение воды в этом месте между Ионическим и Тирренским морем, приливно-отливные явления в проливе и постоянное движение воды привлекают меч-рыбу в эту часть Средиземного моря. Здесь ее район икрометания. Когда рыбацкие лодки ясным июньским утром следуют зигзагом вдоль пролива, они повторяют действия древних. Единственное исключение – у современных лодок есть мотор. Рыбаки из Ганзирри, сицилийской деревушки, расположенной напротив водоворота Харибды, и их конкуренты из Сциллы, деревни на итальянском побережье, названной в честь гомеровского чудовища, имеют полное право претендовать на принадлежность к одному из старейших рыбацких сообществ в мире. Серым зимним днем, когда дует северный ветер, а течение в проливе направлено против него, и сегодня можно слышать «рев» Сциллы – это ветер и море завывают в пещерах у основания скалы.

В отличие от прибрежных регионов Сицилии большие части Средиземноморья, такие как центр Ионического моря, а также море, расположенное к западу от Корсики и Сардинии, мало используются для рыболовства. Если в Английском канале – проливе Ла-Манш, узком водном рукаве, разделяющем две страны, полно современных рыболовных судов, Средиземное море омывает берега многих стран, рыболовная деятельность которых незначительна – разве что небольшие лодки выходят на промысел в прибрежных водах. Благодаря этому (хотя, как долго такая ситуация сохранится, сказать не может никто) море в целом пока еще может восполнять свои потери, хотя в некоторых его частях рыбные запасы уже истощились.

«Беззаботная песня» (Careless Gallant's Song) напоминает об одном достоинстве рыбы, в первую очередь моллюсков, которое приписывается ей тысячелетиями (хотя научно это не подтверждено):

Благодаря рыбным обедам мужчина будет скакать, как блоха,
Ведь дама Венера, богиня любви, родилась в море;
С ней и Бахусом мы возбудимся,
Даже когда нам перевалит за сто лет.

Этот анонимный английский поэт мог бы найти вдохновение в названиях некоторых рыб, возбуждающих или нет, которые водятся на мелководье вокруг островов или скрываются в темных глубинах. Список рыб Центрального Средиземноморья включает более девяти сотен названий. Это говорит о богатстве древнего моря.

Альбакор, желтохвост, рыба-ангел, удильщик (его также называют рыбой святого Петра), двуногая панцирная тригла и атлантическая пелагида начинают список. Посейдону также нравятся странные и опасные создания. За безобидной китовой акулой следует акула Бомарис – атлантическая сельдевая акула с длинными и острыми зубами. То, что в Средиземном море не водятся акулы, – выдумка менеджеров отелей и туристических гидов. Следующие в списке – чернобрюхий скат, тупорылая собачка, зеленая рыба, коричневый губан и ставрида обыкновенная. Электрический скат, от которого можно получить сильный удар током, соседствует с длиннорылой иглой, морским дьяволом, дружелюбным дельфином и дорадой. Пятнистая морская собака уродлива и почти не пригодна в пищу. Кефаль-лобан и грациозная игривая переливающаяся летучая рыба (прыжки которой часто заканчиваются на сковородке) имеют странных спутников, таких как бычок-бубырь и макрель-фрегат. За барабулькой в сеть идет рыба-игла (сарган) и более крупный марлин (из «Старика и моря»). Молотоголовые акулы и изящные морские коньки имеют спутниками рыб-собак (обыкновенных и кошачьих), которые «бегут» за ними, когда появляется полосатый губан вместе с королевской рыбой и миногой, – говорят, что утонченные римляне время от времени скармливали им рабов. Лучеперый губан и длиннорылый скат, скат манта, известный как рыба-дьявол, прожорливый удильщик, рыба-игла, кошачья акула, треска и рыба-попугай, которая кормится у кораллов, полиприон, помпил, треска, сельдевая акула и сомик – все они волей-неволей попадают в сети или на крючок. Одних выбрасывают обратно в море, других, задыхающихся, бросают в устланный водорослями трюм или на покрытый пятнами дощатый настил открытых лодок. От электрического ската умные рыбаки стараются держаться на расстоянии, но не от морского окуня, морского петуха и барабульки, которые попадают в *zuppa di pesce* в Неаполе и южнее. Розовый апогон, рыба-парус, желтый морской петух, атлантическая сардинелла, чернобрюхий скат, бородатая шиповатая солея и двупятнистый чукучан имеют еще более любопытных соседей в виде толстогубой кефали и трехусного налима. Иглобрюх, который живет в глубине, среди камней и водорослей, тупорылая собачка, двупятнистый чукучан, рыба-дракон, свистульки, морской черт, турецкий губан, бурый каменный окунь и усач завершают этот весьма сокращенный список.

В Средиземном море самая лучшая и самая разнообразная рыба ловится в трех важнейших «морских воротах» – Гибралтарском и Мессинском проливах и в Босфоре. В районе Гибралтара, в месте, где встречается внутреннее море и Атлантика, мы находим не только большое разнообразие видов, но также наиболее плотную «мясистую» рыбу, что объясняется притоком холодной атлантической воды. Аналогично, в месте, где Черное море вливает свои холодные и сравнительно пресные воды в Средиземное море, рыба имеет лучшее качество, чем в теплом, бесприливном и очень соленом восточном бассейне. Но Мессинский пролив – совсем другое дело, и он тоже является исключительным, как единственный район с двумя четкими полусуточными приливами. Иными словами, каждый лунный день есть два прилива и два отлива.

В адмиралтейских логиях описано, как это влияет на деятельность в узком Мессинском проливе: «В районе мыса Пелоро, на северном входе в пролив, прилив ведет себя как в Тирренском море; от Пунта-Пеццо, южнее его, он ведет себя как в Ионическом море. Хотя эти два приливно-отливных явления относятся к одному типу, время высокой и низкой воды отличается в проливе примерно на шесть часов. Отсюда, когда у мыса Пелоро высокая вода, в районе Вилла-Сан-Джованни, в трех милях южнее, низкая вода, и наоборот. Следовательно, дважды в течение каждого лунного дня уровень воды достигает максимального подъема на севере про-

лива и дважды – на юге. Хотя разница уровней невелика – весной меньше фута, но это происходит на таком коротком отрезке, что возникают течения со скоростью около 4 узлов».

Еще одной характеристикой пролива является то, что, поскольку воды Ионического моря холоднее и более соленые, чем воды Тирренского моря на севере, разница в плотности воды создает двойное течение: одно идет на юг через пролив по поверхности, другое – на север на глубине около 15 саженей. Эти два течения вместе с подводным шельфом, соединяющим Сицилию с «носом» итальянского сапога, создают водовороты, которыми пролив известен еще с тех пор, как Гомер описал великую Харибду, утягивающую на дно суда. Ввиду изменения структуры морского дна после большого землетрясения 1783 года Харибда больше не такая грозная, как, несомненно, была в классические времена. Тем не менее в 1824 году адмирал Уильям Генри Смит написал в своей книге «Сицилия и ее острова», что даже в наше время небольшие суда нередко подвергаются очень большой опасности. Он своими глазами видел, как военные корабли, среди которых был 74-пушечник, кружились в мощном водовороте.

Помимо приливно-отливных явлений и течений пролив характеризуется большим количеством необычных рыб и морских животных, населяющих его. Многие из них человек не может увидеть, если они случайно не попадут в глубоководный трал. Из-за подводного шельфа, соединяющего остров с континентом, глубоководные течения наталкиваются на это препятствие и отклоняются вверх, нередко принося с собой рыб и морские организмы, живущие без дневного света. В статье в журнале *National Geographic* в ноябре 1953 года исследователь Пол Заль описывал, что дважды в месяц, весной поверхностные воды Мессинского пролива изобилуют живыми и полуживыми созданиями, среда обитания которых обычно на большой глубине, где все погружено во мрак и покой. После сильного ветра с моря берега Мессинского пролива усеяны мертвыми или умирающими существами, один только внешний вид которых заставил бы поморщиться даже художника Дали.

Другая черта моря, свойственная Сицилии, но заметная и на Мальтийском архипелаге, – марроббио. Это длинные морские волны, изолированные или серия, которые могут вызывать подъем воды на 4 фута. О приближении марроббио нет никаких предупреждений, и стоящее в гавани судно может неожиданно оказаться поднятым над уровнем причала и удерживаемым только натянутыми швартовыми. Такое изменение уровня воды чаще всего имеет место в гаванях Юго-Западной Сицилии. Трапани, Марсала и рыболовный порт Мадзарра-дель-Валло подвержены действию марроббио, которое может начаться в любое время года и при любой погоде.

О причине этого каприза природы спорят до сих пор. Некоторые авторитеты связывают его с длительным периодом преобладающих ветров в восточном или западном бассейне, другие – с неожиданным изменением метеорологических условий над морем. Последняя теория вроде бы подтверждается последними исследованиями. Марроббио в основном имеет место на юге Сицилии и на Мальтийском архипелаге, вероятнее всего, потому, что выраженные изменения атмосферного давления в восточном или западном бассейне могут вызвать нагон воды из одной части моря в другую. Это особенно отчетливо ощущается на мелководье и где подводный перешеек соединяет Сицилию с Северной Африкой.

Не только море может внезапно и без видимых причин придти в движение. Земля тоже имеет обыкновение отделяться, раскалываться, подниматься, опускаться и содрогаться. Мессину дважды уничтожали землетрясения – в 1783 и 1908 годах. Алжирское побережье тоже сейсмически активно. В 1716 году землетрясение продолжалось, почти без перерыва, в течение целого месяца. От Неаполя, где активный вулкан Везувий выбрасывает клубы дыма в голубое небо, на юг через Липарские острова, где высится огнедышащий остров-вулкан Стромболи и дальше к горе Этна на Сицилии проходит большой разлом в земной коре.

От Этны этот разлом поворачивает на восток и проходит через Ионические острова, делая Левкас, Итаку и Закинф сейсмически опасными. Югославия, материковая часть Греции, многие части Турции – это территории повышенной сейсмической активности. Острова, такие

как Устика, что к северу от Сицилии, Пантеллерия, на юге, и Санторин в Эгейском море, являются вулканами, поднявшимися с морского ложа. И если первые два потухли или спят, Санторин до сих пор активен. Располагаясь в центре большого залива, новый вулканический остров дымит и выбрасывает горячую лаву, которая в морской воде превращается в пемзу.

Посейдон, греческий бог моря, также известен как «трясущий землю». Трезубец, с которым его обычно изображают, такой же, как греческие рыбаки используют для ловли камбалы на мелководье. Но когда бог берет свой трезубец на берег и втыкает его в землю, он может раскалывать горы и уничтожать города. Таким образом, греки признавали и силу моря, и опасную нестабильность земли, на которой жили. Даже на пике своей колониальной экспансии, когда они пришли в Северную Африку, на Сицилию, в Южную Италию и ту часть Малой Азии, которая сейчас является Турцией, но тогда назвалась Ионией, они не знали земли, не подверженной приступам гнева «трясущего землю».

Везувий, самый крупный действующий вулкан на Европейском континенте, спал – по крайней мере, так пишут древние авторы – до 63 года н. э. Великий греческий географ Страбон в 30 году до н. э. писал, что эта гора имеет, несомненно, вулканическое происхождение, поскольку она засыпана пеплом, словно пожираемая огнем. Но истинный характер горы не стал очевидным для населения Неаполя, а также городов и деревень, расположенных у ее подножия, до 79 года. Тогда произошло страшное извержение, которое уничтожило Помпеи и Геркуланум и повредило город Стабии, где лишился жизни римский автор и адмирал Плиний Старший.

Его племянник Плиний Младший в письме историку Тациту описал, как встретил смерть его дядя. «Дядя мой находился в Мизене и лично командовал флотом. 24 августа около полудня мать моя указала на появление облака, необычного по величине и по виду. Дядя только что принял солнечную ванну, искупался в холодной воде, перекусил и вернулся к своим книгам. Но он немедленно встал и направился на возвышение, чтобы увидеть явление лично. Облако поднималось из какой-то горы, издав далеко нельзя было разобрать, из какой именно. Ни одно дерево лучше пинии не передавало его формы. Оно вздымалось кверху, словно высокий ствол, и расходилось ветвями, вероятно, потому, что напор воздуха, только что его выбросивший, слабел, и облако таяло, расходясь в ширину. Было оно местами белым, местами в грязных пятнах, словно подняло с собой землю и пепел. Дядя приказал подготовить легкий корабль и предложил мне, если я пожелаю, сопровождать его. Я сказал, что лучше продолжу работу; так получилось, что он сам поручил мне кое-что выписать. Он как раз собирался выйти из дома, когда получил записку от Ректины, жены его друга Тасция, которую испугала надвигающаяся опасность. Ее усадьба располагалась у подножия Везувия, и бежать оттуда можно было только морем. Тогда дядя изменил свое решение. Он начал действовать как ученый, а продолжил как благородный герой. Он приказал выйти в море своим кораблям и сам поднялся на борт, имея намерение помочь не только Ректине, но и жителям ближайших городков – это живописное побережье было густо заселено. Он поспешил туда, откуда в страхе бежали другие, и был настолько свободен от страха, что диктовал и отмечал все изменения в этом страшном явлении. На корабле уже падал пепел, и чем ближе они подходили, тем он становился гуще и горячее. Обрушивались уже куски пемзы и черные, обожженные, растрескавшиеся от огня камни. Вдруг на пути оказалась неожиданная мель, и доступ к берегу преградили обломки горы. Дядя мой заколебался, но потом сказал рулевому: «Смелым Бог владеет, поезжай к Помпониану».

Помпониан тогда находился в Стабиях [ныне Кастелламаре], что на другой стороне залива. Он уже послал свой багаж на борт, поскольку хотя в тот момент и не находился в непосредственной опасности, но она уже была совсем близка, и, если бы стала еще ближе, он намеревался выйти в море, как только стихнет ветер, который дул с моря. Однако ветер был благоприятным для моего дяди, чтобы добраться до Помпониана, которого он нашел в большом испуге. Дядя тепло обнял его, ободрил его, потребовал, чтобы он сохранял присутствие духа. Чтобы успокоить его страхи собственной невозмутимостью, он велел приготовить ванну

и, искупавшись, приступил к ужину со всей возможной веселостью, или, по крайней мере, ее видимостью, что также есть проявление героизма.

Между тем по Везувиию во многих местах широко разлилось пламя и высоко поднялся огонь от пожаров. Дядя успокаивал напуганных, заверяя их, что это горят деревни, покинутые населением. После этого он отправился спать. Он определенно не тревожился о происходящим, поскольку крепко уснул, в чем могли убедиться все окружающие, потому что его дыхание, по причине тучного телосложения, было тяжелым и громким. Двор, в который вел вход в его помещение, был уже настолько засыпан пеплом и кусками пемзы, что, стоило немного задержаться, и выйти было бы уже невозможно. Дядю разбудили. Он встал и присоединился к Помпониану и остальным людям, которые были слишком сильно встревожены, чтобы спать. Они посоветовались, стоит ли оставаться в домах, которые качались от частых и продолжительных толчков, или лучше выйти под открытое небо, где существовала опасность от падавших кусков пемзы и пепла. Все это было легким, но сыпалось на головы в слишком большом количестве. В конце концов люди вышли на улицу. Это решение было принято ими под влиянием страха, а мой дядя руководствовался холодным и трезвым расчетом. Люди привязали к головам подушки, которые были их единственной защитой от падающих камней.

В других местах уже начинался день, а здесь была ночь, более темная и глубокая, чем все другие ночи, озаряемая словно отблеском факелов, многочисленными вспышками всякого рода огней. Дядя решил идти на берег и посмотреть вблизи, не успокоилось ли море, но оно было все таким же бурным. Там он лег на разостланное покрывало. Несколько раз он требовал холодной воды и пил. Наконец огни и предвестник огней – запах серы – обратили других в бегство, а его заставили встать. Он поднялся, опираясь на двух рабов, и в то же мгновение упал мертвым. Как я думаю, он задохнулся вредными парами, так как от природы грудь у него была слабой, и он часто страдал одышкой. Когда снова вернулся к нам дневной свет, а это случилось на третий день после этого ужасного события, тело его было найдено невредимым, нетронутым, в той же одежде, в какой он был в тот день. По внешнему виду он был более похож на отдыхающего, чем на мертвого».

Письма Плиния Младшего об извержении Везувия можно считать началом современной научной вулканологии. Его описание облака над Везувием, напоминающего пинию, вошло в научный язык, и такой тип вулканического извержения сегодня называется *piно*. Однако маловероятно, что его дядя задохнулся вредными парами, поскольку окружающие его люди сумели спастись. Ключ дает ссылка на его корпулентность. Вероятнее всего, он умер от сердечного приступа. Ведь он искупался, хорошо поужинал, после чего ему пришлось идти. Все это вкупе с затрудненностью дыхания и привело к роковому сердечному приступу.

Сравнительно недавнее масштабное извержение Везувия имело место в 1944 году, когда повсеместно распространился слух, что союзники бросили бомбу в кратер, чтобы испугать немцев. Между тем, поскольку войска союзников уже – при содействии итальянского правительства – владели городом, эта история – миф, равно как и многие другие, связанные с извержениями вулканов. Извержение было в высшей степени зрелищным. Во время его человеческих жертв было немного, зато были уничтожены обширные виноградники. Те, кому довелось его увидеть, никогда не забудут это впечатляющее зрелище. Дымное облако первого дня быстро приняло описанную Плинием классическую форму пинии, после чего оно раздулось, сформировав гигантский зонтик из пыли и пепла. Сквозь густую пелену можно было видеть крупные обломки камня и пемзы, взлетающие в воздух. И днем и ночью в облаке сверкали мощные электрические разряды. Ночью зрелище казалось еще более страшным из-за потоков расплавленной лавы, стекающей по склонам. Это извержение изменило облик Везувия, ликвидировав его куполообразную вершину. Его влияние ощущалось даже на Капри, поскольку преобладающий северо-восточный ветер донес пепел и угли до этого острова, и многие узкие улочки, которые сегодня восхищают туристов, оказались засыпаны слоем пепла в фут толщиной.

Почему люди век за веком возвращаются и поселяются на склонах вулкана – вопрос, которым задаются многие иностранцы. Причина очень проста: на определенной стадии, когда склоны вулкана превращаются в пригодную для использования землю, вулканическая почва богата и исключительно благоприятна для выращивания винограда. На этой черной или темно-коричневой порошкообразной земле виноград прекрасно растет. Из винограда, выращенного на склонах Этны и Везувия, получаются самые изысканные вина Средиземноморского региона. В этой почве полно нитратов, и фермеры не могут устоять перед перспективой богатого урожая.

В 140 милях от Неаполя располагаются вулканические Липарские острова: Аликуди на западе, Стромболи на севере и Вулькано на юге. Остров Вулькано, названный в честь бога огня и металлообработки Вулкана, дал свое имя вулканам по всему миру. С древности до конца XIX века Вулькано был самым активным вулканом Средиземноморья. Но он безмолвствует с 1890 года. Его энергия передалась Стромболи. На Липарских островах можно наблюдать и много других вулканических явлений, таких как горячие источники, отверстия для выхода серных газов, подводные течения и выбросы лавы.

Профессор Джадд в статье о Липарских островах описывает вулканический конус Кампо-Бьянко на острове Липари следующими словами, которые, хотя и кажутся поэтичными для ученого, не являются преувеличением: «Величавые шлаковые конусы из снежно-белой пемзы пробиты лавовыми потоками чистого стекла, их поверхности, покрытые красно-вато-коричневой коркой, возвышаются над голубыми водами Средиземного моря. Являя себя в четкости линий и яркости красок, с которой может соперничать только великолепие почти тропического неба, они представляют собой пейзаж потрясающей новизны и волшебной красоты – впечатление, произведенное им, забыть невозможно».

Определенно, именно против этого региона Средиземного моря предостерегала Одиссея Цирцея, давая ему указания, как добраться домой – в Грецию. Можно только спорить, о каком именно из островов идет речь, но скорее всего это один из Липарских островов. Здесь, по словам Цирцеи, «прежде всего увидишь стоящие в море утесы; кругом их шумно волнуется зыбь Амфитриты лазоревоокой; имя бродящих дано им богами; близ них никакая птица не смеет промчатся, ни даже амброзию Зевсу легким полетом носящие робкие голуби; каждый раз пропадает из них там один, об утес убиваясь; каждый раз и Зевес заменяет убитого новым. Все корабли, к тем скалам подходящие, гибли с пловцами; доски от них оставались одни и бездушные трупы, шумной волною и пламенным вихрем носимые в море».

Вулькано или Стромболи тоже подходят под это описание района, где даже птицам летать небезопасно. Оба острова отличаются от Везувия и Этны по своей вулканической природе. Они необычны своей неистовой взрывной активностью, при которой огромные бомбы пепла и фрагменты лавы с силой выбрасываются в воздух. Огненные потоки, стекающие по склонам в море, легко объясняют Гомерову ссылку на пламя, пожирающее людей и корабли. Стромболи в классическом мире называли «маяком Средиземноморья». Это название до сих пор точное, поскольку периодическое пульсирующее мерцание над его пиком по ночам действительно напоминает маяк, иногда гаснущий, иногда вспыхивающий. Даже в XX веке, при наличии большого количества всяческих навигационных средств, штурманы используют этот древний «маяк» как ориентир. Вероятно, его использовал и Одиссей, направляясь к Мессинскому проливу.

Относящаяся к VII или VIII веку до н. э. Пятая книга Моисеева, Второзаконие, содержит описание вулкана, соответствующее данному Гомером: «Вы приблизились и стали под горою, а гора горела огнем до самых небес, и была тьма, облако и мрак». Эти слова применимы к горе Этна, что на восточном берегу Сицилии, поскольку Этна, прежде всего, «гора». Она отличается от своих собратьев на изрезанной поверхности Сицилии прежде всего высотой, некогда превышавшей 10 700 футов. Согласно классическим пропорциям, она возвышалась над при-

брежной долиной Катании и господствовала над сушей и морем. Как и у всех вулканов, высота Этны за века существенно изменилась. После извержения 1950 года гора лишилась части центрального конуса, и теперь ее высота лишь немного превышает 9000 футов.

Название Этна происходит от греческого слова «гореть». Вулкан был активен, судя по всему, со времени греческой колонизации Сицилии. Греческие легенды различаются между собой, но, согласно Пиндару и Эсхилу, великан Тифон был заключен в ней Зевсом. Впоследствии латинские авторы перенесли этот миф на другого великана – Энкелада. В любом случае они оба были детьми Земли (Геи) и Тартара, которые осмелились пойти войной на богов. После поражения торжествующие бессмертные похоронили их под горами в разных частях света.

Традиционно считается, что греческий философ Эмпедокл, утверждавший, что началами Вселенной являются четыре стихии, огонь, воздух, вода и земля, бросился в кратер вулкана Этна. Его внезапное и необъяснимое исчезновение впоследствии заставило горожан почитать его как божество. Кратер, однако, выбросил обратно его сандалии, вероятно тем самым показывая, что он всего лишь человек.

В одной из поэм Мэтью Арнольда, «Эмпедокл на Этне», описываются приготовления философа к самоубийству:

В мое время я видел много городов,
И мои глаза устали от долгого зрелища.
Я, без сомнения, увижу все снова.
Ты же знаешь, что я странник из прошлого.

(Эмпедокл верил в реинкарнацию.) Позже, прежде чем броситься в жерло вулкана, он облек свои надежды и свою философию в слова:

О, если бы я мог светиться, как эта гора!
О, если бы мое сердце качалось на волне моря!
О, если бы моя душа была полна света, словно звезды!
О, если бы она витала над землей, как воздух!

Даже сегодня, когда приближаешься к этим одиноким склонам или со стороны рыбного порта Рипосто, или со стороны международной искусственности Таормины, гора завораживает. Весной или в начале лета, когда снега еще покрывают ее вершину и сияют на фоне голубизны неба, а бледно-зеленые побеги винограда и других растений кажутся удивительно нежными, Этна внушает чувство благоговения. Если ленивый дымок поднимется над ее вершиной и лениво поплывет к морю, даже самый закоренелый практик поймет, почему гора вдохновляла поэтов.

В низинах вдоль прибрежных предгорий на темно-коричневых землях растут оливы и шелковица, акации, дуб падуболистный, финиковые пальмы и виноградники. Кипарисы выступают из земли, словно темные копыя, как дань плодородию земли и человеческим трудам. Кактусы опунция выбрасывают желтые цветочки, словно свечи. И на всех обочинах дорог, выложенных вулканическим камнем, видны заросли герани. Буйно цветут астры, и на ярком солнце чуть подрагивают пурпурные цветы бугенвиллеи. Здесь, где земля и солнце объединились, само по себе, как сорняки, растет то, что на других землях требует тщательного постоянного ухода. Только виноград требует внимания и защиты от соленого ветра с моря.

Выше по склону ситуация начинает меняться, появляется более суровый мир. Мягкая вулканическая земля уступает место массивам лавы. В одном месте над дорогой нависает широкая застывшая река из черного базальта, образовавшаяся после извержения XVII века. В этом темном мире сохраняет свои позиции только желтый раkitник. Его цветы кажутся очень

яркими на фоне стигийского мрака. Ракитник в компании с еще несколькими неприхотливыми видами сорняков уже положили начало процессу, который когда-нибудь превратит эту неподатливую территорию в землю, на которой будет расти виноград.

Выше зоны деревьев путник оказывается в мире запустения. Но даже здесь причудливо изогнутые прожилки лавовых потоков придают мрачному пейзажу строгую красоту. Вторичные конусы – кратеры, – образовавшиеся при латеральных извержениях, добавляют лунному пейзажу некие округлые штрихи, а изредка встречающиеся смелые цветки раkitника слегка оживляют его. Снег придает яркость самым высоким склонам, а следы лыжников указывают на то, что современный человек получает удовольствие там, куда его предки никогда не заходили по собственной воле. Весной можно провести утро, катаясь на лыжах на вершине Этны, а день – купаясь в море у ее подножия.

«Монгибелло» – так великую гору называют местные жители. Название вполне могло произойти от *monte bello* – «красивая гора». Более прозаически настроенные лингвисты утверждают, что это название – соединение итальянского *monte* и арабского *jebel*. Оба слова означают «гора».

Нельзя недооценивать арабское влияние на Сицилии. Долгие века оккупации оставили свой след на расовом типе населения острова, да и сицилийский диалект изобилует старыми арабскими словами. Изоощренные сельскохозяйственные техники, превратившие нижние склоны Этны в сад, вкупе с широко распространенной ирригационной системой, являются заслугой в равной степени и арабов, и итальянцев – жителей Сицилии.

Периодически, даже если Этна спокойна, она имеет обыкновение показывать весьма впечатляющий фейерверк из активного кратера, который расположен теперь не на вершине, а ниже по склону. Тогда по ночам в пылевом облаке сверкают молнии, и на голых вершинах светятся лавовые потоки. Такое шоу скрытой мощи, как правило, продолжается день или два, после чего гора возвращается в мирное состояние, и лишь тонкий дымок напоминает о том, что огонь лишь затаился, но никуда не делся.

К востоку на другой стороне Ионического моря острова Итака и Занте сильно потрянуло во время землетрясений 1952 года, когда много домов было полностью уничтожено. Прибрежная территория порта Вати утратила свою схожесть со старой Венецией. Расположенный восточнее, в Эгейском море, остров Санторин дает нам один из самых интересных в мире примеров вулкана *caldera*. *Caldera* (португальское слово, обозначающее «большое котел») – термин, применяемый к углублениям в форме чаши, обнаруженным на португальских Канарских островах. При формировании классической кальдеры, такой как на Санторине, вулкан постепенно поднимается с морского ложа. Иногда гора, образовавшаяся таким образом, оседает, при этом заполняя кратер. Уплотненные каменные породы тогда начинают запечатывать отверстие, через которое горячая магма поднимается из недр земли. В результате по прошествии определенного времени создается огромное давление под старым кратером, способное привести к взрыву, который может разрушить весь центр острова. После взрыва, когда все успокоится, впадину заполняет море, создав огромную внутреннюю гавань.

Почти наверняка так было на Санторине. Некоторые геологи и ученые считают, что взрыв Санторина во времена, предшествовавшие античному, может иметь какую-то связь с неожиданным крахом Кносса и могущественной минойской цивилизации. Когда образуется кратер таких размеров, – как случилось, когда в 1883 году взорвался вулкан Кракатау в Зондском проливе между Явой и Суматрой, – формируется огромная приливная волна (одна гигантская волна с Кракатау достигла мыса Горн, удаленного от Зондского пролива на 7818 миль). Санторин находится всего в 60 милях от Крита, и взрыв такой силы должен был не только разрушить все постройки на острове, но также затопить все порты и гавани.

Когда обрушившаяся чаша кратера затопляется морем, в течение многих веков центральное ядро снова поднимается над уровнем моря. Это и произошло на Санторине, где маленькие

островки в середине ослепительно-голубого залива (Palaea-, Mikra-, Nea-Kaïmene) являются частью нового конуса. В исторические времена Страбон описал большой взрыв на Санторине в 196 году до н. э. Mikra-Kaïmene появился во время больших потрясений 1570 года, а Nea-Kaïmene – в 1707 году. Земля продолжает меняться, и в недавние годы сильнейшее землетрясение разрушило большую часть Фиры – современной столицы Санторина.

Средиземноморье, по крайней мере его центральная и восточная часть, пребывает в процессе перемен. Время и люди, каждый по-своему, ответственны за эрозию и изменение земель вокруг внутреннего моря. Но другие структурные перемены происходят из-за действия сил природы. Как именно они действуют, сегодня по большей части понятно, однако едва ли стоит удивляться тому, что в легендах и истории этого моря центральное место занимают вулканы и вулканическая активность. Неудивительно и то, что греки, римляне и другие жители Средиземноморья приписывали пугающие конусы, страшную дрожь земли и разрушительные взрывы сверхъестественным силам. Во времена, когда, как пишет А. К. Томсон, границы человеческого и сверхчеловеческого, материального и нематериального представлялись весьма размытыми, такие острова, как Вулькано и Стромболи, и горы Везувий и Этна неизбежно считались местом обитания если не богов, то могучих великанов-разрушителей. Тогда, как продолжает тот же автор, каждый ручей, дуб и гора были местом обитания некоего духа, природа которого находилась на границе между человеческим и божественным. В нем были и человеческие, и божественные черты. Люди платили дань этим божественным проявлениям молитвами и жертвоприношениями.

По сей день маленькие придорожные часовни на склонах Этны и Везувия наполнены *ex votos* с благодарностью за освобождение от силы горы. Святая Дева и ее Сын теперь получают свечи и ладан там, где некогда другие божества – доисторические, финикийские, греческие, римские – взирали сквозь поднимающийся из кратера дым на распростертые фигуры своих почитателей. Пусть Тихий океан считается самым неизменным, не имеющим возраста, зато Средиземное море меняется вместе с людьми.

Глава 3

Ранние мореплаватели

Люди пересекали некоторые части Средиземного моря на лодках еще в доисторические времена. Гончарные изделия, украшенные орнаментом, выполненным на глине до обжига, – тисненые изделия – были найдены на очень ранних уровнях в Юго-Восточной Турции, Греции, Италии и на Сицилии. Но такие же гончарные изделия были найдены на Мальте. Это доказывает, что даже в четвертом тысячелетии до н. э. люди могли переплывать 60 миль, отделяющих Мальтийский архипелаг от Сицилии.

Джон Дэвис Эванс пишет об археологической истории острова: «Колонизация Мальтийских островов с Сицилии определенно была не случайной. ...С мыса Пассеро, что на юго-западной оконечности треугольного острова Сицилия, в ясный день можно увидеть Мальту и Гоцо невооруженным взглядом. Жаждающие земли крестьяне, которые впервые переправились на них, точно знали, чего хотят, и, должно быть, тщательно продумали экспедицию. Кроме себя и своих семей, они должны были переправить на новое место домашних животных и семена для посева. Для этого у них были лодки того или иного вида, хотя не обязательно более совершенные, чем простые плоты или выдолбленные каноэ. Мы ничего не знаем об их лодках, поскольку никаких остатков или изображений не сохранилось, а изображения более или менее современных им плавсредств Восточного Средиземноморья, обнаруженные на гончарных изделиях Греции и Киклад, для нас бесполезны. Можно только предположить, что лодки более примитивных народов Западного Средиземноморья были проще и грубее».

Самые ранние изображения лодок, имеющих отношение к тем, что веками господствовали во внутреннем море, были найдены в Египте. Некоторые из них, датированные 3000 годом до н. э., показывают лодки, построенные специально для Нила. Другие определенно предназначены для Красного моря. Основной груз – скот. Оба типа плавсредств были предшественниками галеры. Они приводились в движение парусами и веслами. Сразу очевидны две черты: байдарочные весла использовали раньше обычных, и первые мачты делали из двух частей и связывали. Аналогичные типы мачт до сих пор можно встретить на Дальнем Востоке, где большие бамбуковые шесты занимают место единой мачты – «дерева» западного мира. Египет – земля, где деревьев мало. Поэтому египтяне, несмотря на все свои технологические и культурные достижения, долго не выходили в открытое море.

На некоторых барельефах мы видим двадцать и больше гребцов. Видно, что все гребцы сидят лицом к носу судна. На самом деле они гребут байдарочными веслами. Сами весла выполнены в виде лопатки, похожей на лист пальмы арека. Возможно, именно пальмовый лист послужил моделью для создателей весел. Байдарочным веслом стали гребти раньше, чем обычным, – людям хотелось сидеть лицом по направлению движения и видеть, куда они плывут.

В некоторых частях Тихого океана и Азии до сих пор используют байдарочные весла. Такое весло – простое, естественное, первое приспособление, позволяющее человеку перемещаться по поверхности воды. Гребное весло – довольно существенное усовершенствование. Оно требует, чтобы люди, обеспечивающие движущую силу корабля, были готовы подчиняться приказам командира, становясь всего лишь «мускульными машинами», направляющими корабль к цели, которую они не видят. Ранний египетский иероглиф изображает две руки, сжимающие нечто похожее на байдарочное весло. Иероглифы на много веков предвосхитили другие изображения морских судов.

В более поздний период египетской истории появляются изображения судов и с обычными, и с байдарочными веслами. Еще позже вся команда гребцов уже смотрела в сторону кормы. Люди гребли вслепую, подчиняясь командам офицеров на корме.

Сесил Торр в монографии «Древние суда» пишет: «Эта практика [использование байдарочного весла], вероятно, прекратилась до 2500 года до н. э., несмотря на свидетельства памятников того времени. На памятниках, датированных 1250 годом до н. э., изображены гребцы, использующие обычные гребные весла – все они сидят лицом к корме, но держат весла на манер байдарочных...» Ясно, что оба метода продолжали существовать, но, когда люди вышли в открытое море и появилась необходимость в более крупных кораблях, оказалось, что у байдарочного весла недостаточный выигрыш в силе, чтобы двигать крупное судно по воде.

На египетских изображениях показано двадцать человек, сидящих на веслах на нильских лодках, а на Красном море капитанам требовалось уже тридцать гребцов. Между тем, возможно, изображение является неточным, поскольку художник – и в те времена, и сегодня – вполне может скорректировать детали, в соответствии с размерами своей картины или потребностями эстетического чувства. Тем не менее эти ранние изображения дают хорошее представление о типе плавательных средств, на которых человек впоследствии вышел в открытое море.

Те древние лодки современный моряк назвал бы плавательными средствами с симметричными образованиями оконечностей. Иными словами, у них практически не было разницы между носом и кормой. Разница заключалась в том, что на корме сооружалось возвышение для кормчего и офицеров, ведущих судно. Наличие этой платформы вынуждало судостроителя укреплять корму и делать ее шире. Корма нередко изгибается к продольной оси судна. Она выполнена в форме священного лотоса. В Египте это была водяная лилия. *Nymphaea lotus*, в отличие от гомеровского *Zizyphus Lotus*, куст с терпкими ягодами, которые могут быть использованы для производства своеобразного хлеба, а также ферментированных напитков.

Представляется очевидным, что некоторые суда с хрупкой кормой и носом и длинными изящными свесами не предназначены для открытого моря. Хотя предками судов, ходивших в Красном море, являются речные суда, они имели намного более тяжелую конструкцию. Мачта чаще изображается в виде единого ствола, поддерживаемого у основания и прикрепленного к корпусу судна тяжелыми витыми канатами. Мачта сравнительно короткая – около половины длины корпуса судна. Единственный прямой парус закреплен к верхнему и нижнему реям, которые, когда спущены, почти такой же длины, как судно. С этим типом прямого паруса нельзя ничего делать – только следовать с попутным ветром. Это возможно в Красном море, где преобладают ветра в направлении север-юг. В более противоречивых средиземноморских условиях этот огромный, низко посаженный парус был бы бесполезным, особенно для египтян, для которых господствовал ветер, дувший прямо в дельту Нила с Крита и севера.

Ранним египетским судостроителям удалось решить проблему предохранения корпуса длинного судна от прогиба в середине, поскольку киль еще не был достаточно прочным, чтобы выдерживать вес. Они взяли длинный тяжелый канат и обвязали его вокруг носа и кормы, обычно в том месте, где оконечности лодки выступают из воды, то есть где начинаются «свесы». Этот большой канат потом тянули вдоль центра судна и держали в туго натянутом состоянии на высоте человеческого роста от палубы на прочных опорах, которые заканчивались Y-образной вилкой, через которую проходил канат. Это было подобно гигантской веревке для белья, протянутой между стойками. Таким образом, одинаковое напряжение поддерживалось в носу и корме, и снижалась деформация киля.

На всех ранних морских судах управление велось с возвышения на корме с помощью весла (или нескольких), которое свешивалось через борт, закрепленное к поворотной оси на палубе. Корма ранних судов не позволяла использовать центральный руль. Любопытно, что даже в дни Римской империи, когда крупные парусные суда регулярно использовали средиземноморские морские пути, управление судном все еще велось с помощью рулевых весел. Осевой подвесной центральный руль вошел в употребление только в XIV веке. На Средиземном море на протяжении всего классического периода приемлемым способом управления судном считались парные рулевые весла. Позже в Северной Европе на длинных судах ранних викингов

использовались рулевые весла по правому борту. Отсюда название: *steerboard* – рулевой борт, *starboard* – правый борт.

Выращивание льна и появление техник прядения волокон и ткачества впервые получило развитие в дельте Нила. Вполне возможно, что именно египтяне в этой части света первыми начали делать большие и эффективные паруса. В классической литературе есть много ссылок на высокое качество египетского полотна, изготавливаемого для самых разных целей. Многие паруса над военными галерами и торговыми судами Древнего мира были произведены в Египте.

В ранних прямых парусах полотно закреплялось между верхним и нижним реем. Предполагается, что нижний рей был в употреблении в самые ранние времена, поскольку он фигурирует в египетском иероглифе *nef*. Но уже около 1000 года до н. э., если верить известному египетскому рельефу с изображением египетского флота, одержавшего победу над каким-то азиатским противником, от нижнего рея отказались.

К нижним углам паруса теперь привязывались канаты, и парус можно было подтянуть к верхнему рею с помощью гитовов, подвешенных с постоянными промежутками на верхнем рее. В бою, когда галеры шли на веслах, паруса брали на гитовы, чтобы они не мешали. На некоторых военных галерах капитан находился в «вороньем гнезде», выполненном в виде почки и установленном на верхушке мачты. С этого возвышения он командовал, подавая сигналы руками кормчему.

Поскольку судно в летние месяцы на Средиземном море в первую очередь зависело от гребцов, ясно, что народы, стремившиеся к господству на море, пытались взять на судно как можно больше гребцов. Но ведь судно нельзя бесконечно удлинять, чтобы вместить их. Логичный шаг – устраивать гребцов на двух или трех банках друг над другом. Точно неизвестно, кто первым начал использовать биремы в военных действиях на море. Предположительно, это были финикийцы.

Ассирийцы, сухопутный народ, знакомый только с плаванием по рекам Тигр и Евфрат, покорили район, где жили финикийцы, в IX веке до н. э. С этого момента появились изображения финикийских судов в ассирийской скульптуре.

Финикийские военные корабли с двумя рядами весел – биремы – показаны на рельефе 700 года до н. э., и нет никаких сомнений, что такие плавсредства использовали и за несколько веков до этого.

Финикийцы, опытные мореплаватели, оставившие яркий след в истории Средиземноморья, заслуживают более важного места в мировой истории, чем им обычно выделяют. К сожалению, хотя именно финикийцам мы обязаны алфавитом, их литература не сохранилась. Только от греков и римлян – и те и другие конфликтовали с этим удивительным народом – мы знаем об их существовании, а портрет врага всегда искажен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.